

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- В. А. АВКСЕНТЬЕВ директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Б. В. АКСЮМОВ профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук
- О. Н. АСТАФЬЕВА заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- В. С. ГЛАГОЛЕВ профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- С. Н. ИКОННИКОВА профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- С. М. КЛИМОВА профессор школы философии Высшей школы экономики, доктор философских наук
- М. И. КОЗЬЯКОВА профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук
- Г. Г. КОЛОМИЕЦ профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук
- В. А. КОНЕВ заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Т. В. КУЗНЕЦОВА профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ заведующий Сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- Д. Э. ЛЕТНЯКОВ заместитель заведующего Сектором истории политической философии Института философии РАН, кандидат политических наук
- В. А. МАЛАХОВ главный научный сотрудник Отдела философии культуры, этики и эстетики Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины, доктор философских наук
- Ф. Т. МАМЕДОВ профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук
- А. П. МАРКОВ профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
- О. В. МАРТЫШИН профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук
- А. Н. МОСЕЙКО ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
- А. А. ОГАНОВ заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук

К. С. ПИГРОВ	профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук
В. ПРОДАНОВ	член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор
Т. Б. СИДНЕВА	проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
М. В. СИЛАНТЬЕВА	профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук
С. В. СНАПКОВСКАЯ	заместитель председателя по вопросам культуры, педагогики и образования Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России» (Минск), доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор
В. С. СТЕПИН	руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Дорогие коллеги, начинаем работу нашей секции. Обозначенная в ее названии проблема сейчас очень актуальна, особенно если говорить о национализме. Что касается лично моего интереса, то я бы предложил в качестве предмета для размышления тот факт, что за последние годы, может быть, даже десятилетия, понятие «национализм» претерпело изменения. Это понятие по традиции, не только советской, но и досоветской в рамках русской философии, употреблялось с негативными коннотациями — как выражение какой-то ограниченности, ложного толкования национальной идеи. А затем это понятие стало переосмысливаться, и даже новые философские энциклопедии, статьи (к примеру, Валерия Александровича Тишкова) истолковывали его как минимум в ценностно-нейтральном ключе. Это одно из возможных направлений нашей встречи. В то же время на пленарном заседании прозвучали выступления академиков Степина, Лекторского и многих других, в которых были высказаны интересные идеи. В общем, нам есть что обсудить.

Я хочу предоставить слово председателю Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, от имени Оргкомитета позвольте поприветствовать всех участников этой секции. Мне очень хотелось бы находиться здесь вместе с вами, потому что то, чем вы сегодня занимаетесь и что обсуждаете, — это в числе прочих предмет моих научных интересов. Но вообще я сделал свое главное дело — собрал за этим столом, в этой аудитории весь цвет российской культурологии, философии, ведущих отраслей гуманитарного знания. К сожалению, не смог приехать академик Тиш-

ков, но тем не менее я считаю, что на этой площадке собрались сегодня ведущие научные и творческие силы России, занимающиеся данной проблематикой.

А проблематика, на мой взгляд, чрезвычайно яркая и актуальная. Как вы знаете, после окончания Второй мировой войны и победы над фашизмом нам долгое время казалось, что вопросы наций и национализма отошли в историю и обсуждать их ни к чему. И вдруг за последние 25 лет в процессе глобализации эта тематика стала чрезвычайно актуальной. Существует глобальная культура, и ее объем непрерывно увеличивается, потому что все мы живем в нескольких культурах и в то же время в одной, глобальной. Наряду с экономической регионализацией наблюдается встречная тенденция — невероятный подъем национализма. Казалось бы, этот процесс идет в противоходе с общим течением истории, со строительством глобального мира. Буквально 10–15 лет тому назад мы и представить не могли такого всплеска религиозности во всем мире.

Когда мы начали получать научные данные с различных мировых форумов, конференций, из ведущих журналов о том, что во всем мире растет интерес к религии, для меня это было совершенно неожиданно, потому что все, кто выросли в Советском Союзе, были воспитаны в духе атеизма. И нам казалось, что религия — это уже какая-то древность. Но сейчас в практической жизни наблюдается невероятный подъем интереса и к религиозным, и к национальным проблемам. Не знаю, развивается история по спирали или каким-то иным образом, но факт остается фактом. Поэтому я очень рад, что наши коллеги — и Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, и Вячеслав Семенович Степин, и Владислав Александрович Лекторский — в ходе обсуждения повестки Чтений проявили интерес и по-

могли Оргкомитету выбрать эту тему. Мы ждем очень интересных и серьезных результатов от работы этой секции.

Сегодня мы наблюдаем невероятный рост влияния Интернета и заинтересованы в том, чтобы как можно больше наших мыслей и идей в разном виде, в разных формулировках вошли в информационное пространство. Хочу с вами поделиться информацией, которая для меня лично как для ректора явилась открытием. Google и прочие информационные ресурсы всем сайтам присваивают определенный весовой коэффициент. Так вот у сайта нашего Университета весовой коэффициент больше, чем у крупнейшего информационного ресурса Петербурга «Фонтанка.ру». То есть если мы опубликовали информацию на своем сайте, то для поисковиков это намного важнее, чем если это сделают многочисленные другие ресурсы. Поэтому мы с вами, конечно, заинтересованы в том, чтобы наши идеи продвигались в интернет-пространстве. Напомню, что все ваши доклады выложены на нашем сайте, поэтому в своих выступлениях прошу акцентировать внимание аудитории на центральных идеях. Я хотел бы поблагодарить всех за участие. Убежден, что здесь сегодня состоится очень яркий, важный для нашей науки разговор.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Пленарное заседание нам подсказало определенный регламент: оно началось с выступления нашего украинского коллеги Петра Петровича Толочко. А почему бы нам тоже не начать заседание секции с выступления другого нашего украинского коллеги? Слово предоставляется Виктору Ароновичу Малахову.

В. А. МАЛАХОВ: — Уважаемые коллеги, я рад возможности выступить на нынешних Чтениях. Я считаю, что культурный диалог самим фактом своего существования позволяет постепенно, шаг за шагом, миллиметр за миллиметром, заживлять, смягчать, может быть, в перспективе преодолевать чудовищные разрывы, которые являются следствием нынешних социально-политических потрясений. Вообще, мне кажется, в нынешней ситуации ярче проявляется роль культуры как незаменимого способа поддержки континуальности человеческого существования, преодоления разных травматических разрывов, которые создают преграды между людьми. И эта работа, думаю, непременно должна быть продолжена.

Я хорошо понимаю, что в нынешних условиях любое опрометчивое суждение может привести в движение инертную массу взаимной неприязни, неприятия, которая, к сожалению, накопилась сейчас в отношениях между Россией и Украиной, между людьми, живущими в этих странах. Я никоим образом не хотел бы этому способствовать. Когда-то Мераб Константинович Мамардашвили говорил, что всякая настоящая мысль есть усилие. Мне кажется, для современной гуманитарной мысли, по крайней мере в наших странах, очень важным является усилие понять и заново принять друг друга в нынешних изменившихся обстоятельствах. Это понимание, безусловно, может быть

нелицеприятным, но оно должно стремиться к адекватности.

Сегодня часто говорят, что нынешний мир становится плоским. Есть работы по этой теме, в частности известная книга Томаса Фридмана “The World Is Flat”. Я считаю, существует опасность, что в такой сверхсовременной информационной плоскости возникает соблазн подверстывать всю жизнь в больших масштабах человеческих целостностей под некоторые действительно плоские стереотипы, какие-то поверхностные представления, связанные с существующей в стране системой власти, доминирующей идеологией, ценностными предпочтениями. Под это подверстывается иногда слишком многое. Что касается внутренней системы сцеплений, как говорил в свое время Лев Николаевич Толстой, которая определяет внутренний тонус человеческой жизни, глубинных человеческих настроений, взаимоотношений, мне кажется, что все это часто игнорируется сегодня в наших представлениях друг о друге, вообще о современной ситуации. Я призвал бы к пониманию именно в таком, толстовском, смысле. А без этого что получается? Мы накладываем стереотипные представления на реальную ситуацию, которые не соответствуют ее сложности и глубине. Поэтому мы не можем адекватно ориентироваться в ней.

Я критично отношусь к тому, что происходит сегодня на Украине. Я об этом неоднократно высказывал свое мнение. Но сейчас я хотел бы поговорить не об этом. Как человек, живущий на Украине, я могу свидетельствовать, что у нас сейчас происходят очень важные, существенные изменения, касающиеся человеческого сознания, человеческих отношений, может, в какой-то мере и национального характера. Я уверен, что нечто аналогичное происходит и в России. И мне кажется, это важно понять. Многие говорят о манипуляции, сознательном вмешательстве в человеческий тип, человеческое сознание — не отрицаю, все это, к сожалению, имеет место. Но существуют глубинные предпосылки, тенденции развития национальной культуры, национального сознания в определенном направлении. Такие направления формировались на Украине на протяжении десятилетий, их замалчивали и пытались подавить. В конце концов произошел взрыв.

Последнее, что я хотел бы сказать: может быть, общее, что сегодня есть у России и Украины — это жажда к самостоянию в пушкинском смысле. Для России это, видимо, жажда самостояния вопреки и перед лицом Запада, для Украины это скорее жажда самостояния вопреки и перед лицом России. Действительно важно понимать, что такие тенденции есть, но самостояние не обязано быть самоутверждением. Генрих Степанович Батищев резко и принципиально различал эти понятия. Исключительное самоутверждение, невзирая ни на кого и заботясь только о себе, — это своеобразный центризм. Я думаю, это вполне логично. Можно предположить, что будет нарастание конфронтационных тенденций. Но центризм не может быть успешным на протяжении длительного времени, не говоря уже о его нравственной природе. Касательно темы национальных интересов, по-моему, из выступающих никто

не вспомнил, что слово «интерес» произошло от латинского глагола “inter esse” — «быть между», «быть среди», «быть внутри», то есть в чем-то участвовать, соучаствовать. Мне кажется, что плодотворными были бы те национальные интересы, которые учитывают это бытие посередине, бытие с кем-то, соучастие в каких-то общих ценностях, процессах.

Тема, по которой я написал доклад, звучит так: «Патриотизм как воля к миру». Моей основной целью было освободить понятие патриотизма от чрезмерных воинственных коннотаций, которые его сопровождают. Как мне кажется, в современной российской, украинской литературе, сознании надо принципиально различать понятия национализма и патриотизма. Национализм, на мой взгляд, своего рода понятие трикстера, которое вовлекает нас в ситуацию постоянной взаимоподмены этнического и социально-политического моментов. Вместе с тем патриотизм в последовательном развитии этой идеи оперирует к философии культуры, я бы сказал, к онтологии культуры.

На мой взгляд, онтология культуры — это чрезвычайно интересная область, которая может раскрыть более глубокое понимание самого вопроса о бытии, по-новому его поставить. Онтология культуры не может быть без осмысления таких феноменов, как родина, дом, уют, родные просторы. И в этом плане тема патриотизма, мне кажется, достаточно логично связана с системой мира. И без всякой нарочитости труды академика Лихачева заставляют, побуждают думать в этом направлении. Тема мира, как мне кажется, у нас сейчас недооценивается, и такие оценки были заметны на пленарном заседании. Это происходит из-за негативистского представления о мире просто как об отсутствии войны. Но мир — это возможность общения, покой в конструктивном смысле, возможность спокойно что-то созидать. И наконец, это возможность чувствовать невозмущенное состояние своей Родины, своей отчизны. В этом плане понятия патриотизма и мира действительно как-то перекликаются друг с другом.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Владимиру Сергеевичу Глаголеву.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Уважаемые коллеги, в своем докладе «Национальная мобилизация и фундаментальные ценности культуры» я акцентировал внимание на национальной мобилизации. Видимо, потому, что предвоенное и военное состояние, слава богу, не являются для России объективной реальностью — у нас нет тех негативных процессов, которые сегодня развиваются на международной арене. А тема, касающаяся этноцентризма, мне представляется очень актуальной, потому что понимание данного феномена позволяет избежать крайностей в восприятии современных национально-культурных процессов как некой столбовой дороги. В историческом процессе всегда происходит возвращение на, казалось бы, давно оставленные, преодоленные позиции. Тем более что глобализация втягивает в свою систему огромное количество стран и народов, ничего не слышавших о ней по крайней мере 30–40 лет

тому назад. И это расцвечивает палитру современной национальной жизни.

Я вспоминаю одно масштабное этноцентричное событие в связи с биографией одного из однокурсников Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, который по заданию соответствующих образовательных структур в конце 1970 — начале 1980-х годов поехал преподавать в Народную Демократическую Республику Йемен. И он учил молодежь той страны со всем рвением, продвигая идеи интернационализма. И все было в полном порядке, но когда наш коллега уехал, между сторонниками тогдашних двух вождей южно-йеменского народа Абделя Фаттаха Исмаила и Али Насера Мухаммеда начались столкновения. В беспорядках участвовали в том числе и его подопечные, причем так активно, что примерно за неделю в крохотной республике они уничтожили 500 танков. (Напомню, что в сражении на Курской дуге были уничтожены 700 танков.) То есть это были совершенно фантастические масштабы взаимного уничтожения. В основе этой ненависти, конечно же, лежала различная племенная принадлежность лидеров и соответственно военных сил, которые за ними стояли. В результате — жесточайшая племенная резня. И примеров такой резни мы в современном мире можем насчитать десятки, и не только на территории Африки и Ближнего Востока, но и в других уголках земного шара.

И тогда возникает очень интересный вопрос: имеет ли этноцентризм как механизм социализации в своей основе какие-либо преимущества, которые заставляют конфликтующие стороны принимать его как само собой разумеющуюся ориентацию, особенно для неискушенных людей? Думаю, да, такие особенности существуют. Во-первых, непосредственность понятий «свой–чужой», то есть то, что мы разбирали на заседании год назад. Во-вторых, простота и соответственно возможность убедительно продемонстрировать свои достоинства и уж в большей степени обстоятельно — недостатки тех, кто является чужим. Удивительно ясный язык. К примеру, одно из последних «открытий»: древние укры — это предки древних египтян.

Я недавно встретил еще одно фантастическое проявление этноцентризма уже в нашем, что называется, культурном контексте. Один мой выпускник с дипломом китаиста огорошил меня объявлением, что совершил крупнейшее филологическое открытие: согласно ему английский язык — это искаженная русская фея XVI столетия. И он настаивал, что срочно надо дать компетентное заключение на эту сенсацию в области филологического знания. Единственное, что я мог сказать своему студенту: «Ну, Саша, у вас все-таки диплом международника, китаиста. Диплом специалиста, которого английскому языку достаточно хорошо учили. Что же вы такое несете?». Тем не менее он пытался возражать. Пришлось сказать, что в такого рода авантюрах я не могу позволить себе участвовать. Это совершенно явно психологический заскок, не говоря уже, по всей видимости, о фундаментальном заскоке ментального свойства.

Голос крови, зов предков — это главные особенности этноцентризма, которые имеют место в нашей

повседневной жизни и достаточно интересно политически используются. Когда мы учились с академиком Гусейновым на философском факультете МГУ, в преддверии молодежного фестиваля студентов демонстрировали фильм, который назывался «Профессор Мамлок». Этот фильм повествовал о начальном этапе (примерно 1932–1934 гг.) зарождения фашизма на антисемитской закваске. И базовая особенность была очень простая: мой голос крови говорит, что один хороший, а другие являются плохими. И ничего с этим сделать невозможно.

От этой истории 80-летней давности перейдем к событию, произошедшему со мной два года назад на юбилее коллеги и очень хорошего человека, который праздновал свое 70-летие в кругу единомышленников. И в этом очень милом сообществе по формальным стандартам образованных людей я имел неосторожность в качестве подношения юбиляру прочитать стихотворение Пастернака «Вакханалия». И дамы, присутствовавшие в зале, мне очень популярно объяснили, что хорошо бы почитать русских поэтов. Ну я, естественно, поинтересовался, а какие это поэты. Да те, которые чисты по крови. Выяснилось, что это Тютчев, Карамзин и т. д. Я поведал, что вообще-то род Карамзинных татарских кровей. Реакция была простая: а все равно — пусть татарва, пусть еще кто-то, только бы не еврей. И это, простите, 2013 год и более или менее интеллигентное собрание. Когда я покидал это мероприятие, одна из дам напутствовала меня, что хорошо бы почитать Адольфа Шикльгрубера, потому что его концепция понимания этнопсихологических процессов современности — это путеводная нить, даже путеводная звезда в настоящее время (Шикльгрубер — настоящая фамилия Гитлера). Я не стал ей ничего отвечать. Вывод очень простой: этноцентризм был, есть и, я боюсь, будет. Соответственно необходимо вести культурную работу, показывая тушиковость, примитивность, предельную культурно-историческую ограниченность механизма этноцентризма, который в наш глобализирующийся век является пошлой, но совершенно очевидной реальностью.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Нашу встречу продолжает Маргарита Вениаминовна Силантьева.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Уважаемые коллеги, Лихачевские чтения — действительно замечательная площадка, где можно делиться своими мыслями. И самое главное — слушать и получать очно или заочно ответы на очень многие волнующие нас вопросы, поскольку наша работа — думать. То, что мне хотелось бы отметить, касается концепта национализм и тех глобальных трансформаций реальности — и фактической, и лингвистической, которые, как мне представляется, ярко выразились в смене тех самых аксиологических акцентов, о которых сейчас говорил академик Гусейнов. Думаю, что этот процесс охватывает не только российское или только европейское пространство — это процесс всемирный. И в каком-то смысле он очень четко показывает динамику сложного взаимодействия между знаками и символами современной культуры. А куль-

тура — это, в общем-то, деятельность все-таки символическая.

Здесь мне посчастливилось пообщаться со своей петербургской подругой, математиком, которая описывала ситуацию с учебниками. Математика, как известно, развивает способность думать. И начальное умение думать не на бытовом уровне приходит к ребенку именно благодаря знакомству с этим предметом. И она рассказала, как великовозрастной парня пыталась научить тому, что не удалось школьным учителям. Для этого она дала ему задачку «посчитай, что такое шестнадцать вторых». Молодой человек со считал — у него получилось 13. Она спросила сидевших за столом: «Как вы думаете, каким образом он к этому пришел?». Я говорю: «Ну это же очень просто. Единицу оставляем, а шесть делим на два. И получается 13». — «Почему?» — «Потому что это работа со знаком». Я многие годы преподаю в МГИМО логику и все время имею дело с контрольными работами. И вижу, откуда это берется. За этими знаками не стоит никакого смысла, никакой физической реальности. Человек, работая с графическим знаком, обретает визуализированное сознание и как бы погружается в эту, строго говоря, бессмысленную вне собственных рамок деятельность. То же происходит с концептом национализма. Он становится неким знаком опустошения культуры, когда очевидно выгорают какие-то предыдущие формы и люди не находят больше контакта с тем смыслом, который выше лингвистических, бытовых процессов.

Рост религиозности на самом деле эту проблему только прикрывает, как мне представляется, потому что религиозность тоже может протекать в исключительно пустых формах, не имеющих реальной референтной значимости. В то же время, как сегодня уже подчеркивалось, происходит заметная реабилитация самого концепта национализма при попытке сверять его с формой патриотизма и т. д. Здесь тоже есть, с одной стороны, пустые вещи, а с другой — очень наполненные и важные. Этнос — это связь не только по крови, но и живая связь людей. По крови — значит, через смысл. Это все-таки форма культурного общения. Поэтому этноцентризм сегодня во многих регионах — это реально один из немногих живых процессов, способных создать социальные интеграторы высокого уровня. Поэтому просто сказать: давайте сменим формат, перестанем об этом говорить — не получится.

И последнее, о чем хотелось бы сказать: меня вчера глубоко потрясло, что какие-то мои мысли совпали с очень важными и значимыми идеями, высказанными господином Клейнером относительно того, что западные экономики отходят от коммерциализации. Почему? Потому что смысл становится важнее, потому что у референции реальных процессов — не модуля, не модели, а именно реальных процессов — есть огромный запрос. Западная экономика это демонстрирует, возможно, раньше нашей, но мне кажется, у нас надежда тоже есть. И русская культура достаточно резистивна к процессам разрушения. Мы много раз возрождались из пепла и оставались самими собой.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется одному из руководителей секции Александру Петровичу Маркову.

А. П. МАРКОВ: — Тему своего выступления я обозначил как «Европейская цивилизация в точке бифуркации: между имперским духом и неонацистским соблазном». Основной тезис заключается в следующем: ключевая угроза современной цивилизации носит культурно-антропологический характер и состоит в опасности экспансии идеологий и практик национализма, включая его крайнюю форму — нацизм. Об этом свидетельствуют рост популярности расистских идей в гуманитарном знании (в частности, концепция «рас как особых исторически сложившихся форм культурной спайки и солидарности»); расширение зоны применения принципов общежития, в основе которых лежат расистские модели восприятия «другого» (в том числе и в государственной политике ряда стран, осуществляющих дискриминацию по этническим критериям); всплеск идентичностей по критерию «почвы и крови», поддерживаемому политиками. В границах европейской культуры все активнее прилагаются усилия, направленные на реабилитацию идеологии нацизма (включая его референтов, а также лежащую в его основе парадигму расизма), с неизбежным пересмотром итогов Второй мировой войны.

Реальность впечатляет и тревожит: США и Евросоюз закрывают глаза на марши ветеранов СС в странах Балтии, идет открытая реабилитация нацистских преступников, которым присваиваются звания национальных героев (на Украине такой статус уже получили Бандера и штурмбаннфюрер СС Шухевич). Не случайно, открывая парад 9 Мая, В. В. Путин сказал: «История снова взывает к нашему разуму и нашей бдительности». В общественном сознании происходит легитимация нацистских практик: зверства нацизма и страшная символика концлагерей начинают обыгрываться в смешном контексте, что нельзя квалифицировать иначе, как осквернение памяти миллионов погибших. Типичный пример. Эстонская газета *Eesti Ekspress* опубликовала рекламу «таблеток для похудения от доктора Менгеле»: на фоне повешенных истощенных узников концлагеря царит надпись «Айн, цвай, драй... средства для похудения доктора Менгеле сотворят с тобой чудо». Снизу надпись: «В Бухенвальде не было ни одного толстого!». На сайте эстонской газовой компании реклама: снимок ворот в концлагерь Освенцим с подписью «Газовое отопление — универсальное, надежное и эффективное». Представитель редакции согласился принести извинения в эфире одного из телеканалов, заявив следующее: «Мы никого не хотели обидеть, это лишь ирония, которую понимают не все».

Можно обозначить несколько причин всплеска национализма в пространстве европейского мира (в том числе объясняющих истоки очевидных усилий по реваншу нацистских идеологий и практик). Прежде всего это «политический проект» врагов России, цель которого — выбить из-под русской цивилизации базовое основание национально-культурной идентичности — Подвиг, и тем самым дискредитировать

историческую миссию России, ее вклад в спасение народов Европы от нацистской чумы. Но это слишком простая версия событий, которая не объясняет массового характера всплеска идентичностей по критерию «почвы и крови». Базовые причины возрождения национализма и попыток реставрации нацизма носят глубинный характер.

Первое. Экспансия националистической идеологии сегодня является естественным «ответом» европейского мира, переживающего глобальный кризис национально-культурной идентичности. В национализме (как крайней форме консерватизма) видится выход из сложившейся ситуации — мировоззренческого хаоса, распада и разлома духовных матриц европейской культуры. Дело в том, что цивилизационное поле «национально-культурного» удерживает и цементирует вторая составляющая — полюс культурного, который в европейском пространстве практически разрушен. Распад духовных (в своих истоках — христианских) матриц европейской культуры начался с ее ядра — гуманитарной культуры, которая последовательно разрушала образ человека. Модификация классического образа христианской культуры в философско-культурологической литературе квалифицируется как антропологический кризис. Свидетельством очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евроатлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер, является: расширение пространства маргинальных антропологий и практик с их интересом к «безумию», трансгрессии и патологии (включая массовое появление различного рода фриков, уродцев), легализация садомизма (сегодня однополые браки легализованы в 16 странах мира), канибализма, педофилии и инцеста, который подается в качестве европейской «гендерной нормы».

Современная гуманитарная мысль агонизирует в форме негативной антропологии, последним «достижением» которой является постмодернизм с его интеллектуальным абсурдом и провокацией, гримасами некрофилии, презрительной иронией по отношению к истории, культуре, нравственности. Деграция характерна и для искусства, шедеврами которого являются прибитые гвоздями к брусчатке на Красной площади мужские атрибуты или эпатажные фрик-шоу драматических спектаклей, имитирующие самоубийства, сношения с мебелью, издевательства над религиозной символикой и т. д. Процесс разложения наблюдается в области общественной морали. Сегодня западная культура — это культура торжествующего язычника, который реанимировал все самое отвязненное и отвратительное в человеческой истории: от содомии до педофилии и инцеста, уже получивших статус легитимных культурных практик, от шаманизма до отвратительных в своей порнографической неприглядности дионисийских массовых акций, сатанинских культов и практик жертвоприношения (включая детей).

Таким образом, сегодня мы наблюдаем разрушение духовного ядра европейской классической культуры, которое облагораживало родовые энергии, превращая агрессивные по отношению друг к другу племенные общности в нацию. Неслучайно сегодняшняя эпоха ха-

характеризуется метафорами смерти и катастрофы, фиксирующими «конец культуры», наступление «культуры Апокалипсиса» и т. д. Национализм в сложившейся ситуации — это попытка удержать, собрать пространство национально-культурного, интегрируя сохранившиеся традиции Логоса и востребуя позитивную символику Мифоса (А. Дугин).

Второе. Всплеск традиционализма в форме националистических идеологий — это реакция культуры на глобальный проект «разборки мира», направленный на уничтожение национальных государств, стихийная попытка коллективного субъекта культуры спасти национальные государства. Сегодня набирают обороты два вызова национальным государствам, и прежде всего в их политической и культурной составляющих. Первый вызов — ультралиберализм, разрушающий ценностно-нормативное поле национальных государств путем активного, на грани паранойи, воплощения политических принципов политкорректности, мультикультурализма и толерантности.

Второй вызов — постмодернизм как комплексное мировоззрение и политическая практика, с одной стороны, отражающая духовные разломы европейской культуры, с другой — способствующая трансформации духовных матриц евроатлантической цивилизации, «заставляющая» ее отказываться от ценностей христианства и Просвещения, стимулируя и провоцируя, как отмечал в своих тезисах Ю. Д. Гранин, «растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований — “картин мира”, идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т. п.». В перспективе цель проекта постмодерна — демонтировать ключевые атрибуты классического мироустройства, и прежде всего модифицировать образ человека и разрушить классические структуры социальности, удерживающие совместное пространство национальных государств.

В сложившейся ситуации идеология национализма (в крайних формах — нацизма) в значительной степени выполняет компенсаторную функцию, замещая во многом утраченные национально-культурные основания идентичности, и прежде всего духовно-нравственные, источником которых является религия.

Обозначенные выше процессы и тенденции возврата к идентичности по критерию «почвы и крови» имеют не только свои причины в современности, но и свое основание в человеческой истории. Но в этом просматривается очевидная регрессия европейской цивилизации, которая строилась путем тяжелого и драматичного возвышения по ступеням идентичности: от природы и рода к духу, идее, всеобщему. В истории человеческой цивилизации можно обнаружить три базовых критерия (и уровня) идентичности: два крайних — этническая (племенная, родовая, языческая) и универсалистская (выступающая основой имперского сознания) и промежуточная — национально-культурная, которая периодически поглощается либо языческой стихией рода, либо энергетикой имперской пассионарности.

Родовая, племенная идентичность — это «первичная матрица» культуры, определяющая ментальные

основания ее носителя. Она характерна для культуры Древнего мира, который оставил нам тяжелый опыт в развитии человечества (включая расизм в его практическом воплощении — стремлении к физическому уничтожению тех, кто воспринимался в качестве «они», и прежде всего по внешне фиксируемым отличиям — цвету кожи, разрезу глаз и т. д.). На более развитом уровне развития человеческих коллективов возникает этнокультурная идентичность, объектом которой становится «культурно облагороженный» этнос.

Глобальный скачок, прорыв человеческого духа произошел в так называемое осевое время (так Ясперс назвал эпоху формирования «духовных основ человеческого бытия» между VIII и II вв. до н. э.). Возникает универсалистская, индоктринальная, духовная идентичность, которая вырывает человека из плена рода, где он был лишен свободы во всех ее смыслах, и дает ему право осознанного выбора своей судьбы, взваливая на него тяжкий груз ответственности за ее исполнение.

Но это испытание «небом» и «свободой» европейский человек не выдержал: с одной стороны, в тоске по племенному, родовому, с другой — в предстоянии высшему человечество вступает в эпоху создания национальных государств. Формируется зона национально-культурной идентичности, в которой общность «мы», с одной стороны, перерабатывает этнографический материал, преобразует и вбирает в себя этничность, с другой — консолидирует общество исторической памятью и общей судьбой, объединяет народ ценностным и смысловым основаниями.

Именно ценности и смыслы, создаваемые в пространстве культуры, становятся душой нации, ее связующей субстанцией. Появление наций означает синтез родового и универсального, вселенского. Нация представляет собой также качественно новую стадию духовного развития общества, ее в известном смысле можно считать пострелигиозной формой духовной жизни, о чем свидетельствует европейский опыт Нового времени. Таким образом, нация интегрирует родовое и вселенское, представляет собой синтез рода и духа, преобразующий их в рамках единого сплава. Национально-культурная идентичность включает в себя родину как место рождения, и в то же время она глубоко обусловлена областью духовного, рождается в идеальной плоскости, в которой субъект получает ответ не только на вопрос: кто я, но и: зачем я.

Уязвимость национально-культурной идентичности определяется прежде всего ее родовой, этнической составляющей. Национально-культурная идентичность в значительной степени преобразует энергетику рода, включая и его деструктивные импульсы. Однако природное начало, в том числе и в структуре ментальных матриц, всегда содержит неустранимую опасность соскальзывания на деградирующий уровень идентичности по критерию «почвы и крови». Вторая опасность исходит из смысловой ограниченности пространства национально-культурного, в котором зона и репертуар формул «смысла» жизни минимален. Особое место и роль национальной идентичности, по мнению

А. А. Гусейнова, «прямо замкнута на чувство нравственного достоинства», но это чувство не предполагает ответа на ключевые экзистенциальные вопросы о смысле жизни: «Зачем ты в этом мире? Во имя чего все эти невзгоды и лишения рода человеческого?».

Третья опасность обусловлена остротой момента: сегодня зона национально-культурной идентичности, с одной стороны, является основным объектом информационных войн, в рамках которых идет целенаправленное разрушение ценностно-нормативного ядра национальных культур и ментальных матриц, консолидирующих народ и превращающих его в субъект истории и культуры; с другой стороны, становится площадкой для реализации деструктивных и античеловеческих проектов (ярким примером является сегодняшняя Украина).

Национальная символика и чувство национально-го единства целенаправленно эксплуатируются и используются элитой для формирования «национальных химер», в которых национальное подменяется этническим, родовым. В системе гуманитарного знания, в том числе в рамках социобиологических концепций культурологии и антропологии, происходит биологизация этнического феномена, все более популярными становятся концепции «культурного» и «символического» расизма. Активная биологизация этносов, составляющих основу наций, происходит и в политической плоскости — когда этносы наделяются биологическими критериями различий, характерными для расизма. В такого рода политических проектах национализм становится не только искусственным способом консолидации общности «мы», но и средством легитимации внутренних репрессий и внешней экспансии (борьбы за территорию и ресурсы).

Переживаемый европейской цивилизацией кризис национально-культурной идентичности — процесс весьма болезненный. Он определяется значимостью данного критерия в системе культурных оснований и личностных идентификаций. Последствия разрушения базовых оснований национально-культурной идентичности для человека и социума имеют предельно негативный характер: распадающийся социум соскальзывает на более низкий и примитивный уровень идентичности по критерию «почвы и крови», усиливающему и провоцирующему межэтническую враждебность; размываются основания гражданской солидарности и ответственности (на индивидуальном уровне это проявляется в снижении степени политической мобилизованности граждан и превращении их в индивидуализированную массу — это мысль Ю. Д. Гранина); расширяются пространство и репертуар нетрадиционных самоидентификаций и «негативных» идентичностей, выполняющих компенсаторные функции в ситуации «идентификационной пустоты»; особую тревогу вызывает рост «контр-идентичностей», разрушающих культурные матрицы наций и основания государственного устройства.

На развалинах идентичности и руинах распадающегося социума стремительно растет интерес к этнической составляющей человеческого бытия — языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, идет активное

возрождение язычества с его расовыми и этническими стереотипами и архетипами. В культурное пространство возвращаются, казалось бы, давно вытесненные архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия, активно утверждающие себя на пространстве европейской культуры и в российских реалиях.

В ситуации кризиса национально-культурной идентичности потенциально существуют два глобальных исхода. Первый исход: в природу, род, язычество, дионисийскую стихию. Но в эту стихию Европа уже давно вошла, начиная с эпохи Реформации и Просвещения, которая обозначила поворот европейской цивилизации в противоположную сторону от Нагорной проповеди Христа — этического ядра христианской культуры. И результаты этого поворота весьма плачевные — именно языческая стихия стала мировоззренческой основой формирования расизма, составившего идеологический каркас самого страшного в истории политического проекта — национал-социализма. Погружение в «родовые стихии» сформировало ментальную основу соответствующих теорий и практик, и прежде всего расизма и геноцида.

Второй исход: восхождение к вселенскому мессианизму, имперскому духу. В таком случае общность «мы» — этноса, нации — вырастает до общности «мы-мира», «мы-цивилизации». И этот вектор заложен в самой природе национально-культурной идентичности. Полнос культурного, основу которого составляет религиозная универсальность, содержит потенциал выхода на универсализм (в том числе в форме национальной идеи и имперской идеологии). Сегодня нацизм на просторстве европейской культуры возникает в вакууме национально-культурной идентичности, в ситуации распада антропологических и ментальных матриц, на расчищенной культурной площадке, переживающей кризис аномии.

Можно обозначить два условия противостояния европейской цивилизации (включая Россию) неонацистской идеологии. Первое: сохранение в рамках сложившихся национальных культур классических оснований идентичности — путем возрождения идеологии консерватизма. Позитивная составляющая консерватизма — патриотизм с его символической большой и малой Родины, доминирующей идентичностью по месту рождения, которая снимает значимость «родовой солидарности». Дополнительным фактором национальной идентичности (особенно в ситуации ее кризиса) является гражданская идентичность, фиксирующая принадлежность к политическому сообществу, которая в значительной степени является «результатом свободного выбора личности» (А. А. Гусейнов). Второе: возвращение к универсалистской, духовной идентичности, то есть к имперскому духу, осознанию миссии во всемирной истории. Значимость второго исхода для спасения современной цивилизации от нацистского реванша велика. Дело в том, что имперский дух и нацизм находятся в фундаментальной оппозиции.

Для России реставрация имперского сознания — это возвращение к исторически оправданной фор-

муле национальной идеи, с ее «всемирным характером» и миссионерским пафосом, которая должна быть скорректирована с учетом трагического опыта XX века и сложившихся геополитических реалий. В частности, в последние годы новое звучание получила евразийская концепция русской цивилизации (преимущественно в геополитическом пространстве «Россия–Восток»), характеризующая Россию как особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе восточную и западную культуру, как уникальный и самодостаточный духовный центр евразийского континента.

Значительный имперский потенциал содержит мессианская парадигма России как всемирного лидера народов-изгоев (А. С. Панарин), отражающая геополитический пласт национальной идеи в координатах «Россия–Юг». В контексте рассматриваемого проекта русская идея — это идея всемирной империи «новых бедняков», отлученных либеральной церковью, «новых изгоев» мира сего. Для таких культур Россия может стать образом надежды, особым метафизическим пространством, «обетованной землей бедных», что очень важно для внутреннего самочувствия загоняемого в «социальные резервации» большинства мира.

Адаптированной к современным реалиям разновидностью мессианской идеи может стать проект «Россия как центр гармонии цивилизаций» (пространство консолидации народов и государств на принципах сотрудничества и развития, площадка для совместного выхода цивилизации из глобального кризиса). Дополнительным фактором общецивилизационного единения вокруг России может стать общий «враг» современной цивилизации — грядущая катастрофа, осознание которой будет способствовать утверждению духовной миссии русской цивилизации.

Утверждение основных составляющих имперской национальной идеи поможет «облагородить» сегодняшний проект глобализации, модифицироваться ему в новый этап развития, в основе которого будет лежать понимание человеческой цивилизации как единого живого организма, во всем многообразии ее цивилизованных типов, а планеты — как нуждающейся в сбережении среды обитания (Л. Г. Ивашов). Консолидирующая парадигма станет цивилизационной альтернативой сегодняшней глобальной идеологии, основанной на конкуренции, угнетении и эксплуатации слабых; будет способствовать переходу цивилизаций от взаимоподавления и противоборства к сотрудничеству и взаимоподдержке, к расширению общего поля развития человеческой цивилизации, построению такой модели диалога, в которой благополучие и успех каждого народа и государства будут определяться развитием и поддержкой со стороны всех других. Такая всемирная по радиусу устремленности идея, с ее духовно-нравственной доминантой, с одной стороны, вытекает из духовных глубин, исторических традиций и ценностей «русского мира», с другой — не противоречит чаяниям других народов, каждый из которых стремится сохранить себя в истории и максимально полно воплотить свое предназначение.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В контексте Вашего выступления я хотел бы сделать одну ремарку: нацизм соединял свои идеи с империей.

А. П. МАРКОВ: — Нацизм — это химерическое образование. Он стал результатом соединения несоединимого: соединил род и идею, создав существо, обреченное на самоуничтожение.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Денису Эдуардовичу Летнякову.

Д. Э. ЛЕТНЯКОВ: — Уважаемые коллеги, на многие вещи, которые здесь прозвучали, хотелось бы как-то отреагировать. Готовясь к своему выступлению, я написал тезисы, которые в определенной степени полемичны тому, о чем здесь говорилось. В частности, пониманию национализма как некоего зова крови и почвы или рассуждению о какой-то имперскости русского народа. Честно говоря, мой доклад несколько отличается от тех, что прозвучали здесь, он носит скорее исторический, нежели политический характер. Ключевой тезис заключается в том, что советский период стал ключевым для формирования идеи империи и нации для русских. И значение этого периода часто недооценивается.

Начну с национальной идентичности. Широко известно, какое значение имел советский период для формирования национальной идентичности нерусских народов Советского Союза. Все вы хорошо знаете проекты, которые реализовывались по национально-территориальному размежеванию, коренизации, созданию национальных кадров, ликвидации неграмотности на национальных языках. Это особенно активно делалось в самом начале советского периода. Но гораздо меньше внимания обращается на ту роль, которую имел советский период для формирования национальной идентичности собственно русского населения. Потому что на самом деле концепт русской нации до 1917 года был во многом сугубо элитным проектом. То есть самим понятием «русская нация» оперировала культурная, интеллектуальная, политическая элита. Так о россиянах мог писать Карамзин или Пушкин. Но народное самосознание было абсолютно донациональным. До начала 1930-х годов крестьяне составляли 85 % населения России. Соответственно мы можем говорить о крестьянском сознании во многом как о сознании русских. Потому что русские — это крестьянский народ до сталинской модернизации. Так вот самосознание тех людей, которых позже, так сказать, будут идентифицировать как русских, было донациональным. Это связано с особенностями крестьянского уклада, образа жизни.

Существует огромное количество работ, которые сегодня считаются классическими, например труды Бенедикта Андерсона, Эрнеста Геллнера, Эрика Хобсбаума, показывающие, что национальные чувства на самом деле не есть что-то, что люди впитывают с молоком матери. Национальная идентичность возникает на определенном этапе развития человеческого общества, когда происходит модернизация,

возникает какое-то единое пространство культуры, преодолеваются сословные противоречия, возникают единая система образования, система коммуникации и т. д. До этого времени крестьяне не чувствовали себя испанцами, французами или итальянцами, у них было абсолютно локальное сознание. Они имели гораздо больше общего со своими непосредственными соседями, чем, скажем, со знатью, которая говорила на другом языке и часто даже бравировала своей непохожестью на низы. Разумеется, это вдвойне справедливо и для русского населения, потому что в России процессы, которые способствовали формированию национального самосознания, произошли гораздо позже, чем в Европе, к примеру, появились такие институты, как всеобщая призывная армия, институт парламентаризма, если говорить о Государственной думе. Гораздо сильнее оказались и сословные пережитки. Повторюсь, до 1917 года самосознание абсолютного большинства людей, живущих на территории России, было донациональным. То есть крестьяне себя не идентифицировали как русских.

И что же делает в этом смысле советский период? Начинается советская модернизация, которая разрушает традиционный крестьянский уклад. Уничтожается община, начинается культурная революция, активная урбанизация. Вчерашние крестьяне едут тысячами в города. Развиваются средства коммуникации, прокладываются дороги до деревенских населенных пунктов. Начинается кампания по ликвидации неграмотности и, как следствие, меняется, модернизируется сознание людей в абстракции государства, нации, которые были недоступны неграмотным крестьянам традиционной эпохи. Это сознание меняется. И, кроме того, СССР перестает быть крестьянской страной. Уже к середине 1950-х годов большая часть жителей Советского Союза проживала в городах.

Такое же большое значение советская эпоха имела для формирования имперского сознания. Когда рассуждают о современной ситуации в России, часто оперируют понятием «постимперский синдром», что, дескать, русские тяжело переживают распад Советского Союза как великого государства и живут прошлыми имперскими победами. Я готов во многом согласиться с этим диагнозом. Но проблема в том, что, когда мы говорим об имперском сознании в России, мы часто выводим его чуть ли не из XVI века. Сейчас очень много пишут о том, что русские осознали себя имперским народом чуть ли не со времен падения Константинополя или появления концепции «Москва — Третий Рим». Мне кажется, что подобные разговоры просто не учитывают особенностей крестьянского менталитета, картины мира крестьянского населения, которое, повторяю, сугубо локально.

Если говорить о том, что русский народ является имперским с XVI века, значит, смешивать две ситуации. То есть одно дело — жить в имперском государстве, а другое — иметь имперское сознание. И действительно, Россия формируется как имперское государство именно с этого времени, возникает та самая концепция «Москва — Третий Рим», начинается имперская экспансия в Сибирь, Поволжье. Но нельзя сме-

шивать это с имперским дискурсом, который формировала элита, и имперскими «захватами» сознания людей, живших в тот период. Потому что, как крестьянство не оперировало понятием нации, так же оно, разумеется, не оперировало понятием империи — крестьяне не считали себя имперским народом.

Для того чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с современными исследованиями, посвященными крестьянской картине мира, либо с воспоминаниями о крестьянах, которые оставили авторы XIX века. Например, Александр Герцен в своей известной работе «Русский народ и социализм» писал о том, что мировоззрение крестьянина ограничивается общиной. Все, что выходит за пределы общины, принципиально чуждо русскому народу, крестьяне боятся попасть в суд даже в качестве свидетелей. Для них взаимодействие с государством ограничивается только выплатой налогов и поставкой рекрутов в армию. Об этом же пишет Энгельгардт — известный народник, который жил в деревне в пореформенный период. Он вспоминает, что крестьяне очень интересовались Русско-турецкой войной 1877–1878 годов, но их интерес заключался в том, что вследствие войны они вынуждены поставлять большее количество рекрутов в армию, плюс мобилизация лошадей для военных целей. А само представление о войне было весьма смутное: что, дескать, англичанка не хочет переходить в нашу веру, как они говорили про Англию.

То есть не было никакого понимания реально происходящей ситуации. Об этом пишут и современные исследователи, например Светлана Лурье — исследователь из Санкт-Петербурга. У нее есть работа «Метаморфозы традиционного сознания», где она говорит о том же: что место реального государства в сознании крестьянина занимала община.

Подводя итог, отмечу, что крестьянская политическая культура была сугубо приходской, если пользоваться известной терминологией Алмонда и Вербы. Соответственно, что сделал здесь советский период? Начиная с конца 1930-х годов возрождается патриотизм, партия отходит от идей мировой революции, идет активная подготовка к войне, происходит форсированная индустриализация. И одновременно меняется историческое восприятие России, уходит в прошлое представление о нашей стране как о тюрьме народов. Соответственно начинает возрождаться другое представление об истории России. И в этой новой парадигме русский народ фактически занимает место народа имперского, то есть становится народом государствообразующим. В этой «советской империи» русские были фактически народом имперским. Потому что их язык был лингва франка на всем пространстве империи. Они были самым многочисленным народом.

Сталин после победы произносит свои известные слова о русском народе как самом могущественном, старшем брате и т. д. И теперь уже, в отличие от крестьян досоветской эпохи, русское население готово было эту идею воспринять, потому что это уже было грамотное население, готовое оперировать идеями об империи великого государства. Моя основная мысль заключалась в том, что советский период не имел клю-

чевого значения ни для национального, ни для имперского самосознания русского народа, с пережитками которого мы сегодня имеем дело.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Конев Владимир Александрович, пожалуйста.

В. А. КОНЕВ: — Я хотел бы оттолкнуться от идеи, высказанной Вячеславом Семеновичем, что происходит кардинальная смена цивилизационных основ и цивилизационного развития, и обратиться к проблеме имперского сознания. Думаю, что рассуждения об имперском сознании и нациях не могут быть продуктивными, если не рассматривать их в контексте реальной исторической ситуации. Действительно, сегодня принципы жизни европейской цивилизации радикально меняются. В связи с этим остановлюсь на двух глобальных вызовах, перед которыми сейчас стоят все нации и индивидуумы, которые действуют осознанно. Это вызовы господства и свободы.

Между государствами, народами и нациями всегда существовали отношения господства и подчинения. Когда-то это ограничивалось локальными пределами, потому что войны никому не позволяли слишком далеко распространять свое влияние. Современная технологичная цивилизация дает возможность устанавливать господство практически во всем мире. Можно показать, каким образом в XX веке решалась проблема, связанная с Организацией Объединенных Наций. Существовали две системы, которые сдерживали друг друга, затем одна из сторон рухнула, и у другой появилось стремление господствовать во всем мире. Но современная международная ситуация требует, чтобы в организации современного порядка участвовали все страны. Имперское сознание умерло вместе со старой цивилизацией, когда исчезла возможность постоянного господства одного народа над другим. Поэтому в настоящее время требуется консолидация народов и, следовательно, солидарная ответственность.

Вызов свободы касается каждого человека. Свобода — это возможность для человека действовать независимо от чего-либо. Но тогда что это за отношения свободы, которые возникают в результате этого нового вызова? Это отношение человека к самому себе. На протяжении всех предшествующих эпох человек, решая свою судьбу, ориентировался на некий маркер: на судьбу, на Бога, в эпоху Просвещения — на разум. Были универсальные критерии принятия решений. Но современная цивилизация разрушила эти маркеры. Современный человек заявляет, что он все решает сам. Молодые люди хорошо знают, что последний аргумент в любом споре — «я так считаю». Спрашивается, есть ли способ регулирования этого свободного поведения? Сказать о том, что нужно служить чему-то — разуму, Богу, судьбе — значит завести старую пластинку.

Современная история другая. Она действительно связана с тем, что современный человек абсолютно свободен. Главная ценность — индивидуальность. Обратите внимание, сколько селфи появилось в социальных сетях и вообще в информационном поле. Фуко сказал, что образ человека был написан на песке и волна

его смыла. Волна-то смыла, но в Интернете появилось огромное количество лиц. Это особенность нашего времени.

Вопрос: существует ли критерий объединения людей, независимых друг от друга? На мой взгляд, сегодня появляются новые критерии. Свобода — это последний предел принятия решений. Опыт предела — вот что становится значимым для современного человека. Опыт трансгрессии, о чем любят писать современные философы, который человек начинает обретать. В социальной реальности это чрезвычайные ситуации, неслучайно во всех государствах созданы соответствующие ведомства. Стремление к расовой и национальной идентификации — это тоже стремление к пределу. То есть мы видим, что старая идея приобретает новое содержание на других основаниях. Вот опыт предела, которому человек должен научиться. Где этот опыт зафиксирован? В культуре. Культура всегда держалась на границе. И я согласен с украинским коллегой, когда он говорит о том, что онтология культуры — это основание человеческого бытия.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Следующий выступающий — Хренов Николай Андреевич.

Н. А. ХРЕНОВ: — Вчера на пленарном заседании В. Третьяков сформулировал тот вопрос, который надо было сформулировать. Никому из докладчиков этого не удалось сделать, хотя во многих докладах ставились очень серьезные вопросы. Вот этот вопрос: национальные интересы некоторых стран могут и уже предстают вызовом. Тем самым вызовом, который вынесен в название нашей конференции. Это мы сегодня ощущаем как никогда. Затем Абдусалам Абдулкеримович попытался осмыслить, что такое нация и национальная общность. Это общность, приходящая на смену словесной общности. Единство устанавливается на основе сословной, национальной, религиозной общности. Но наше время переходное. Какого рода общности возникают в пострелигиозный период? Вероятно, это какие-то новые общности. Вообще, Абдусалам Абдулкеримович набросал проект фундаментального исследования, которое должно быть проведено, и оно будет очень актуальным.

Но есть общности, которые всегда существовали и, кстати, включали в себя религиозные общности, которые были осознаны поздно. Это цивилизационные общности, общности, существующие на цивилизационной основе. По-моему, когда употребляют словосочетание «национальные интересы», то под этим можно подразумевать «цивилизационные интересы». Это в каком-то смысле синонимы. Во всяком случае, одно без другого не существует. Но, разумеется, это не одно и то же. Я бы хотел кое-что высказать по этому поводу.

Но меня также задела фраза Абдусалама Абдулкеримовича по поводу лозунга Великой французской революции «Свобода, равенство, братство». Он задал вопрос: «Куда братство-то делось?». Это понятие забыто. Почему же о нем сегодня уже почти не говорят? Я бы хотел ответить на этот вопрос тоже, но чуть позже.

Вернусь к идее «национального интереса» как «цивилизационного интереса». Этот интерес сегодня обсуждается исключительно на политическом уровне. Но политика — лишь надводная часть айсберга. Подводная же часть — это специфическая цивилизационная ментальность.

Что мы сегодня наблюдаем прежде всего на политическом уровне? Украинский вопрос снова выстроил в ряд наших недоброжелателей многие крупнейшие государства, а точнее, правящую элиту этих государств. На политический уровень прорывается то, что формировалось и накапливалось столетиями. Что это? Полагаю, что это сформулировано еще в 1920-е годы немецким философом Эрнстом Трельчем. Он писал о нарциссическом комплексе великих культур, в том числе Запада. Запад — одна из великих культур. Никто в этом не сомневается. Э. Трельч писал, что великие культуры понимают, в сущности, лишь самих себя. Почему? Э. Трельч это положение расшифровывает так: знание чужих культур может быть чрезвычайно важным для самопознания, понимания мира практических отношений. Но во всем этом представители великих культур понимают и утверждают только самих себя, формируют, сколько бы они ни приспосабливались к чужим культурам и как бы ни воспринимали их, только самих себя такими, какими сложились и создавались в течение тысячелетий.

В истории может создаваться и образ того или иного народа. Причем создается не самим этим народом, а объединяющимися другими народами. Понятно, что такой образ далек от адекватности. Мы это сегодня не только наблюдаем, но и ощущаем. Действительно, самым существенным уровнем вызова будет не политический и ментальный, а самый определяющий — цивилизационный вызов. От него, собственно, зависят вызовы в его политических и ментальных формах. Этот вызов сопровождает контакты между разными народами.

Мы, русские, давно ощущаем вызов в цивилизационном смысле этого слова. Но дело не в ощущении. Русские первыми его и осознали. Произошло это не сегодня и не вчера. Мы просто вынуждены были это осознать. Это вопрос нашего коллективного выживания. Это вопрос коллективной идентичности. Цивилизационной идентичности. Это осознание мы превратили в предмет особого научного направления. Первым это осознал в России, а в общем, и в мире Н. Данилевский, о котором вчера на пленарном заседании упомянул докладчик из Турции. Удивительно, что в Турции помнят Н. Данилевского. Да и как не помнить, когда книга Н. Данилевского возникла как результат прозрения по поводу причин расхождения между Россией и Западом, что как раз в русско-турецкой войне и проявилось, вышло на поверхность. Это осознание подхватил Шпенглер. А системность этому направлению придал Арнольд Тойнби. Последователей этого направления сегодня легион. Вот и на Лихачевских чтениях мы постоянно на эту тему дискутируем. Все работают над тем, как преодолеть нарциссический комплекс цивилизаций, как пробиться к адекватному пониманию друг друга, которого еще нет.

Что же сделано Н. Данилевским? Напомню. Его сочинение начинается как журналистское эссе, посвященное агрессии Турции, направленной против России. Это середина XIX века. Он обратил внимание на один факт: все великие европейские державы под разными предлогами пытались помешать развитию России и соответственно искали способ унижить ее, противостоять ее национальным интересам. Кому нужен сильный соперник? Это и сейчас сохраняется. Эти страны и создали негативный образ России. В соответствии с этим образом Россия предстает, как формулирует Н. Данилевский, колоссальным завоевательным государством, беспрестанно расширяющим свои пределы, а следовательно, угрожающим спокойствию и независимости Европы. Турцию в этой войне поддерживали Англия, Франция и даже Сардинское королевство.

Полагаю, что и сегодня в сознание фаустовского человека прорывается нечто подобное. Если бы не эта установа, Турция никогда бы не рискнула объявить России войну. Это напоминает современную ситуацию. Разве могла случиться Одесса, если бы Киев не ощущал поддержку Запада? Да и во время Второй мировой войны Гитлера тоже можно было остановить раньше, если бы не срабатывал созданный на Западе образ России. Так в политике получает выражение тот вызов, что существует во взаимоотношениях между разными цивилизациями.

Но история, слава богу, не сводится к отношениям между Россией и Западом. Достоевский говорил, что русский человек не только европеец, но и азиат. Один из ключевых вызовов в мировой истории, не переставший напоминать о себе и обостряющийся в наше время, существует в отношениях между Западом и Востоком. С начала Нового времени, с Петра I в России старались быть западниками, забывая Восток. Да, наверное, русские стеснялись демонстрировать свою причастность к Востоку. Потому что хотелось походить на Запад. Ведь Запад переживал акматическую фазу. Продолжал гипнотически действовать положительный образ Запада. Взоры всех народов были обращены к Западу. Это эпоха вестернизации мира, доминирования Запада в мировой истории. Это реальность.

Но прислушаемся к пророку — Достоевскому. Он утверждал: этот стыд, что Европа сочтет русских азиатами, преследует нас уже чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в XIX веке. Ложный стыд, привитый Западом, ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми русские никогда не переставали пребывать) очень дорого стоили русским в последние столетия. Достоевский далее говорит: «Мы заплатились за него и утрацию духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты».

Тем не менее Россия продолжала ассимилировать западные ценности и прививать их к собственной культуре, но до определенного времени. До момента

вспышки сознания о своей особости, до открытия того, что назовут «русской идеей». Но вот ведь какой парадокс. Осознание цивилизационной самостоятельности России не могло бы произойти, если бы не соприкосновение с Западом. Тут налицо позитивная роль Запада в пробуждении национального самосознания. Осознание «своего» через соприкосновение и даже конфликт с другим, «чужим». Хотя, конечно, Запад для России не совсем чужое. Дело тут не сводится к активной прививке западных ценностей с эпохи Петра I. Известно, что до Петра в России была сильна византийская традиция, которую часто противопоставляют Западу. У Византии и Запада один исток — Рим, Античность. Так что и до Петра западное влияние Россию не миновало. Точнее, не Россию, а Русь.

С XIX века Россия стала больше ценить и отстаивать свою самостоятельность, что, естественно, порождало со стороны Запада настороженность. Расхождение на цивилизационном уровне вызывало к жизни негативный и неадекватный образ России. Французский историк Жак Ле Гофф говорит, что Запад называл ромеев (так себя называли византийцы) еретиками. Но раз мы усвоили византийскую традицию, в частности религиозную, поскольку приняли православную веру от Византии, то мы, русские, с точки зрения Запада тоже стали еретиками.

Но обратим внимание на то, что и в момент расхождения и обособления от Запада полного отчуждения все же не было и не могло быть. Его и сейчас нет. Мы все-таки способны понимать друг друга, преодолевать взаимный нарциссизм.

Отдаляясь от России, держа ее на дистанции, Запад, однако, впервые открывал и постигал Россию, углублял о ней представление. В том числе через Толстого, Достоевского, Чайковского, позднее через Чехова, Тарковского, Шостаковича. Когда недавно у нас обсуждался проект государственной культурной политики, то один из наших политических деятелей сформулировал: «Россия не Запад», что вызвало бурю протеста. Но смотря какие смыслы в эту фразу вкладываются. Вот один из наших мыслителей сказал: Россия — подсознание Запада. Почему же подсознание? Это попытался объяснить в XIX веке М. Бакунин. Потому что в сознании фаустовского человека русский человек более свободен. Может быть, он даже анархист. Ведь были же в России даже философы-анархисты. Жозеф де Местр писал, что более свободного человека, чем русский, на свете нет. Это кажется странным, ведь Россия — империя. Ну какая же свобода в империи? Империя в ее старой и новой, сталинской форме. Но вот сказал же. Думаю, что он не ошибся.

Западный человек, провозгласивший ценности свободы как первостепенные, все же не является свободным в полном смысле этого слова. Он любит дисциплину. Он смог себя обуздать и потому добился большего, чем другие народы. Это произошло после Реформации, которой в России не было, хотя движение в этом направлении было. Подсознательно западный человек хотел бы быть таким же свободным, как и русский человек. С его точки зрения русский — враг порядка, организованности, государственности. Это

и могло стать причиной расхождения между Россией и Западом. Настороженность по отношению к русскому возникает в результате того, что русский ассоциируется с тем, что самому западному человеку в себе не нравится, что он в себе подавляет. Может быть, это даже причина возможного противостояния. М. Бакунин не исключал такого противостояния. Он его даже прогнозировал в форме военного столкновения между Россией и Германией. Этот его прогноз, как свидетельствует история, подтвердился.

Конечно, русская революция позволяла так посмотреть на русских. Взяли государство и разрушили до основания. Правда, потом заново вызвали к жизни. Но, позвольте, разве идеи революционного переустройства общества не пришли в Россию с Запада? Разве это не наследие Просвещения? Но исчерпывает ли созданный Западом образ России идентичность русских? Разве сталинская редакция византийской империи могла быть возведена народом-анархистом? Русский народ является в такой же степени и народом-государственником. Можно ли было выиграть войну, если бы не выстроили такую империю? Не очень хотели такое государство. Но так сложились обстоятельства. Другое дело, что причины войн связаны с революциями, являются часто следствиями этих революций.

Я вернусь к Востоку и уточню формулу, в соответствии с которой Россия является подсознанием Запада. Если это и так, то у России тоже есть подсознание, а именно Восток. Итак, формула «Россия есть подсознание Запада, Восток есть подсознание России» является решающей в том вызове, который имеет место между Россией и Западом. Не приемлют Восток, не могут до конца понять и Россию.

Осознать это помогает идея Э. Саида, который ввел в оборот понятие «ориенталистский дискурс». Такой дискурс — создание фаустовского человека, испытывающего страх перед Востоком, от которого он когда-то (еще в Античности) оторвался и создал особую и самую динамичную культуру в мире, но в который еще может вернуться, то есть потерять все созданные им впервые ценности. Собственно, задолго до появления сочинений Э. Саида эту мысль великолепно изложил К. Ясперс.

Страх перед растворением, перед возвращением к Востоку способствовал созданию защитного механизма, который предстал в неадекватном образе Востока как отсталого, агрессивного, недоразвившегося, неспособного к прогрессу региона. Это и есть суть ориенталистского дискурса. И он имеет отношение к России. Я сейчас ссылаюсь только на западных мыслителей. Но тот смысл, что Э. Саид вкладывает в понятие ориенталистского дискурса, в России давно известен. То, что имеет в виду Э. Саид, в XIX веке сформулировал еще А. Хомяков. Он писал, что тут сказалося истонное самоутверждение Запада, гордыня, презрение к Востоку как низшему.

Потом этот дискурс будет обсуждаться оказавшимися в эмиграции русскими мыслителями, которых обычно называют «евразийцами». Чтение запрещенных сочинений Льва Гумилева во второй половине 1980-х годов (а Гумилев, как известно, «последний ев-

разиец») свидетельствовало о том, что идеи, которые дотоле распространялись лишь в узкой среде, превращаются в массовые настроения. Можно утверждать, что сегодня они актуальны уже на политическом уровне. Восток выходит из подсознания и становится сознанием. Нам важно понять, как это влияет на изменения в культурной политике. Какие последствия это будет иметь для идентичности русских людей? Ясно, что последствия будут.

Я сейчас вспоминаю суждение Л. Гумилева из его книги «Древняя Русь и Великая степь». Делаю это потому, что в нем суть того, что вкладывает Э. Саид в понятие «ориенталистский дискурс». Л. Гумилев говорил, что в странах Западной Европы предубеждение против неевропейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую многие географы начинали от Венгрии, другие от Карпат, — обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XVIII века, создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто превратное представление. Все же это их не смущало, и их взглядов не опровергали французские или немецкие путешественники, побывавшие в городах Персидской Азии или Индии и Китая.

Самое интересное, что, как говорит Л. Гумилев, к числу дикарей, угрожающих единственно ценной, по мнению некоторых западных идеологов, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала Великого Монгольского улуса, а потом Золотой Орды.

Сегодняшний поворот к Востоку имеет предисторию. Как это иногда бывает в истории, то, что становится актуальным для политиков и даже для культурологов, сначала появляется в искусстве. Впервые Восток стал выходить в России из подсознания в сознание еще на рубеже XIX–XX веков в искусстве. У многих известных деятелей искусства (в том числе у Рериха, Хлебникова, А. Белого и др.) можно обнаружить необычайный и распространяющийся интерес к Востоку. Происходит глубокое открытие Востока, что в отдельных случаях оборачивается антизападничеством, правда, подчас поверхностным. Они словно впервые ощутили истину, изреченную Достоевским: в грядущих судьбах русского народа, может быть, Азия и является его главным исходом. Не это ли самое в 1992 году скажет Лев Гумилев: если Россия будет спасена, то только через евразийство. Может быть, в нашей сегодняшней ситуации эти пророчества пора осознать.

С некоторых пор не только мы сами стали осознавать связь России с Востоком, но это ощутил и Запад. Когда, например, французские критики откликнулись на первое издание романа Льва Толстого, они, например, обнаружили в Пьере Безухове душу индусского монаха. Вообще, через наше искусство, литературу они обнаруживали в нас восточную стихию, осознавали то, что мы сами в себе не могли осознать.

Мои суждения воскрешают еще одну значимую тему во взаимоотношениях между цивилизациями, ко-

торая сегодня более чем актуальна. Несмотря на столкновение между цивилизациями, которое время от времени обостряется (что происходит и сегодня), человечество, тем не менее, продолжает оставаться единым. Если это единство будет разрушено, оно исчезнет. Вообще, конфликты, как утверждал Г. Зиммель, способны играть не только негативную, но и позитивную роль.

Если какие-то ценности и следы влияния других культур не соответствуют настоящему моменту, они уходят в подсознание. Но не навсегда. Их воскрешение бывает позитивно, как это сегодня и происходит в России с Востоком. Россия берет курс на Восток, пытается исправить ту деформацию, которая в истории возникла в связи с трансформацией Америки в империю и ее претензиями на контроль над всем миром. Э. Саид утверждает, что с ослаблением и угасанием Запада ориенталистский дискурс не исчезает, он подхватывается Америкой и продолжает действовать. Ну как тут снова не вспомнить суждение Э. Трельча о том, что в европейском мышлении всегда присутствуют завоеватель, колонизатор и миссионер и что в этом кроется источник его практической силы и плодотворности, но и многих теоретических ошибок и преувеличений!

Провозглашая действительно значимые ценности (и прежде всего свободу личности), Америка несет с собой утилитаризм, милитаризм и, в конечном счете, отчуждение, противопоставление одних цивилизаций другим. Поэтому возникший на Западе ориенталистский дискурс Америка берет на вооружение. Бодрийяр сказал: Запад, вызвав к жизни идеи модерна в XVIII веке, успел в них разочароваться. Не то происходит с Америкой. Это что-то вроде возрожденного большевизма, фанатически уверовавшего в идею и ради нее готового на массовое жертвоприношение своего народа.

Между тем, на том же Западе еще в XIX веке был вызван к жизни альтернативный модерну проект — не разделения, а единения человечества. Он был вызван к жизни не творцами модерна, то есть просветителями, а романтиками. Сегодня этот проект как никогда актуален. И именно он должен стать основой глобализационных процессов, а совсем не тот, который навязывается всему остальному миру в национальных интересах одной цивилизации, то есть Америки, что мы сегодня и ощущаем.

Так, Ф. Шлегель, например, утверждал, что в истории народов следует рассматривать жителей Азии и европейцев как членов одной семьи, историю которых нельзя разделять, если хотят понять целое. Он доказывал, что подобно тому, как в истории народов азиаты и европейцы образуют одну большую семью, а Азия и Европа представляют одно целое, так следовало бы во все большей мере стараться рассматривать и литературу всех культурных народов как последовательное развитие и одно-единственное внутренне связанное строение и создание, как одно великое целое, где известные односторонние и ограниченные точки зрения исчезли бы сами собой, многое стало бы понятным лишь в этой связи и все предстало бы в этом свете новым.

Не порывая с Западом, Россия сегодня актуализирует свои связи с Востоком. Поворачиваясь в сторону Востока, она на этот раз готова реализовать альтернативный проект, то есть проект романтизма. Тут позвольте мне вспомнить речь польского экономиста, говорившего вчера на пленарном заседании о новом прагматизме. Конечно, понятие «национальный интерес» можно понимать в прагматическом смысле, в американском духе. Но его можно понимать и иначе, то есть по-русски. Я хочу этот смысл расшифровать. Хочу вспомнить русского философа Льва Шестова, обратившего внимание на то, что великие идеи способны порождать не только самые развитые, самые мощные и самые благополучные государства. Будем надеяться, что санкции со стороны Запада не приведут к экономической катастрофе.

Да, Запад, а затем и Америка подарили миру идею свободы. И для многих эта идея оказалась самой притягательной. Правда, было бы лучше, если бы свобода по-американски не опиралась на танки и ракеты. Но великие идеи могут возникать и в таких странах, которые долго приходится искать на карте. Когда появился Христос, Израиль был с одной из самых нищих и мало кому известных стран. Но идея-то стала всемирной. Будем надеяться, что санкции со стороны Америки и Запада, подрывающие благосостояние русских людей, не сделают Россию самой нищей страной.

И наконец, я снова обращаюсь к вопросу, заданному вчера Абдусаламом Абдулкеримовичем: почему забыли идею братства? Русские, как это было в истории не раз, и как это есть теперь, исходят не из идеи прагматизма, неважно, в новом или старом смысле этого слова, а из идеи братства. Если правда, что ментальности русских присуще мессианство, то его смысл именно в этом. Чего невозможно сказать о других народах, провозгласивших братство еще в эпоху Великой французской революции, но под воздействием духа пользы и предпринимательства забывших о нем. Ведь удалось же Америке поссорить славян между собой. Я имею в виду столь для нас актуальный украинский вопрос. И здесь я хочу процитировать А. Пушкина, писавшего: «Оставьте: это спор славян между собою / Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою, / Вопрос, которого не разрешите вы». Русские хотели бы не реализации дискурсов, способствующих противопоставлению тех, кто не разделяет точку зрения американской империи, а единения со всеми народами как самостоятельными культурами. Об этом же свидетельствует и процитированное суждение Льва Гумилева. Не случайно в отечественной философии «всеединство» — ключевое слово. Тем более единение с соотечественниками, проживающими в других государствах. Ну как не солидаризироваться с теми братьями, достоинство которых (да и та самая свобода, которая для западного, да и для всего мира — первоочередная ценность) ущемлена?

В заключение самое время вспомнить немецкого философа Вальтера Шубарта. Будучи человеком Запада, он все же уловил ментальную черту русских — жажду братства. Как утверждает В. Шубарт, русский способен искренне радоваться счастью другого челове-

ка или сочувствовать его горю. Он проникается душевными состояниями ближнего так, словно они происходят в нем самом. Он непосредственно ощущает чувства другого и живет жизнью другого. В людях вокруг себя он видит братьев, а не врагов... Чувство братства во многом облегчает русскому жизнь и делает ее более сносной, чем у западного человека с его инстинктами борьбы, хищничества, конкуренции. Вот эти инстинкты борьбы, хищничества и конкуренции и есть прагматизм. И новый, и старый. Это и есть то, что стоит за национальным интересом.

Закончу сточками из поэмы Евгения Евтушенко «Под кожей статуи Свободы»: «Морально наг, морально бос, / родителей проклятье, / все же верую, как Бернс: / все люди будут братья». Пожалуй, здесь речь идет уже не об узко понимаемом национальном интересе, а о вселенском чувстве, исключающем всякое непонимание. Но не все народы являются носителями этого чувства.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется коллеге Глаголеву.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — в связи с выступлением Дениса Летнякова у меня появился такой вопрос. Александр III характеризовал Россию как преимущественно военную державу. Мы почти не рассматриваем этот аспект, хотя вся история нашей страны после 1917 года, начиная с Гражданской войны, говорит о том, что нам придется это сделать. На мой взгляд, национальное самосознание в большой мере учитывалось Петром I, Александром I, Николаем I, Александром II, Александром III и, конечно, Николаем II в его Манифесте по случаю объявления войны в 1914 году, когда при появлении царя люди, пришедшие на Дворцовую площадь, опустили на колени. И второе. Когда наши СМИ говорят о печальной перспективе западной цивилизации, по-моему, они немного преувеличивают. Я со школьных лет помню, как в наших газетах писали о скором финансовом крахе США.

Д. Э. ЛЕТНЯКОВ: — Да, русские — народ военный, но не воинственный. Это известная цитата. В России слово «нация» начали использовать довольно поздно. До времен Александра II цензура его даже запрещала, потому что оно имело неприятную для самодержавия политическую коннотацию, особенно после Польского восстания. Не случайно князем Вяземским было придумано политкорректное слово «народность». Поэтому идея верности царю — это ни в коем случае не национальная идея. В системе ценностей русских крестьян не было места нации. Но так было не только в России. Например, представители эстонского народа вплоть до 1860-х годов называли себя «деревенские люди» в противоположность помещикам, которые были «господа». То же можно сказать о французах, итальянцах и пр. Понятие нации появилось сравнительно недавно, это не есть что-то присущее людям изначально. Поэтому надо наши нынешние представления и картину мира переносить на более традиционные эпохи. И не следует дискурсу элиты, господ выдавать

за общенародный дискурс. Крестьяне, которые составляли подавляющее большинство, жили другими представлениями. То же самое с империей. Откуда может взяться имперское сознание у людей, которые живут в рамках общины?

Реплика из зала: — Я хотела бы обратить внимание Дениса Эдуардовича на то, что есть понятия рефлексивные и те, которые входят в употребление в процессе теоретизации. Мы знаем, как сформировались такие понятия, как «народы», «нации». Меня удивило его восприятие русского крестьянства как не осмысляющей свою идентичность общности. Возможно, на рефлексивном уровне это так и есть, но чувство принадлежности к своему народу, понятие русского просматривается через культурный контекст. Во-первых, возникает ощущение, что все народы живут изолированно друг от друга, поэтому нет необходимости в самоидентичности. Но ведь это не так. На самом деле и в России, и на других территориях Европы народы живут в соседстве друг с другом, в коммуникативных связях, поэтому, естественно, есть различение себя и другого, например через самоназвание. Во-вторых, в нашем языке были и есть понятия великороссов и малороссов, и в этом плане есть что возрождать. В-третьих, есть народное искусство, народная культура, в которой имеет место маркирование себя как русского человека. Поэтому, мне кажется, нужно различать теоретические пласты и то, что характеризует саму крестьянскую культуру.

И еще я хочу поблагодарить профессора Малахова за очень интересное выступление. Вы говорили о патриотизме и мире, и мне вспомнилось противопоставление Льва Толстого: «патриотизм или мир». Для него это были оппозиционные понятия.

А. Н. МОСЕЙКО: — Идею объединения угнетенных и отверженных, о которой говорил профессор Марков, уже больше ста лет. Пожалуй, самым ярким ее представителем был Маркус Гарви и созданное им широкое движение растафари, объединяющее чернокожих людей, которые считают себя угнетенными и поэтому избранными. И еще одно — негритюд Сенгора. Эта идея по-прежнему популярна в Африке, распространялась и на исламский мир. То есть она старая, но очень интересная и глубокая.

В. С. СТЕПИН: — В связи с выступлением Владимира Александровича Конева я думаю, что есть такой посыл. Необходим более широкий взгляд на национальные, этнические и другие современные процессы, связанные с опасностью фашизма, войнами и т. д. Надо рассмотреть их под другим углом зрения. В частности, я согласен с точкой зрения Николая Андреевича. Это цивилизационный взгляд. Но мы должны сделать новый шаг от идеи, на которой остановился Тойнби, — что есть разные цивилизации со своими культурно-генетическими кодами. И они развиваются циклично. Мне эта идея всегда не очень нравилась, потому что в ней идея развития исчезает. Ведь развитие происходит не просто как повторение и возврат к одно-

му и тому же, должно возникать нечто новое. По Тойнби (надо отдать ему должное), появляются новые цивилизации, а не вечно воспроизводятся одни и те же. Поэтому потребовалось понятие типов цивилизационного развития, и оно было введено. Когда мы говорим о западной цивилизации, то подразумеваем не страны Запада, а то общее, что есть у стран Западной Европы, Северной Америки, Австралии. Япония, при всем ее своеобразии, цивилизационно ближе к США, чем к традиционалистской же Японии до реформ Мэйдзи или к Китаю III века до н. э.

Так вот, идея типа цивилизационного развития требует каких-то признаков, по которым можно различить эти два типа: традиционалистские общества и современные, модерн-общества. Я попытался это сделать, ввел целую шкалу признаков, взяв универсальные культуры и основные жизненные смыслы, в частности те смыслы, на которых выросла западная цивилизация и которые дали возможность великих завоеваний. Что бы там ни говорили, технические и технологические прорывы, продление жизни людей, улучшение качества жизни — все это достижения западной цивилизации, поэтому она всегда позиционировала себя как ментор по отношению к «отсталым» странам. Все модернизации происходили под этим лозунгом: учитесь у Запада, берите у него лучшее, и тогда вы будете жить лучше, по крайней мере как на Западе.

А потом, во второй половине XX века, обнаружилось нечто такое, о чем заговорили и Римский клуб, и Будапештский клуб, и вообще все мыслители. Глобальные кризисы. Если продолжать идти по этому пути, то можно уничтожить человечество. То есть возникло общество рисков — техногенная цивилизация. Регион ее происхождения — Запад, но потом она стала распространяться по всему миру. Значит, надо менять стратегию, то есть искать новый путь. Вот под этим углом зрения, я считаю, нужно обсуждать и решать эту проблему. Но тогда надо подумать, какие ценности и в каком направлении должны меняться. Ясно, что идея, которая лежит в основе техногенной цивилизации, — что человек должен господствовать над природой, преобразовывать ее. Эта идея сейчас под вопросом. Какие перспективы здесь возникают? «Переделка» самого человека как природного существа, а дальше то, о чем вчера упомянул Владислав Александрович, да и я писал не раз. Сейчас это отдельная тема для обсуждения, если мы действительно примем идею постгуманизма — а она вытекает из мейнстрима техногенного развития. Тогда какое значение имеют этносы, если люди будут ничем по сравнению с этими сверхлюдьми, примерно как сейчас мы по сравнению с муравьями и пчелами — есть такие коллективные насекомые. Выживут ли они, неизвестно.

То есть внутри современного кода цивилизации есть изъяны, которые пока не обнаружили. Но тогда вопрос ставится иначе: надо искать новые стратегии. А как быть с нашей истматовско-марксистской идеей — нацией? Идея, в общем, правильная, нации рождаются в эпоху капитализма, и это может быть переходящий момент, а не вечная категория. Если произойдет коренное изменение типа развития, то, вполне воз-

можно, идея национальных государств будет каким-то образом трансформирована. И если уж мы говорим о глобализации, то давайте будем последовательны. Что это такое? Происходит новая интеграция, а значит, часть национального суверенитета передается какому-то более высокому слою. Но что произошло в Евросоюзе? Как только начался процесс передачи части национального суверенитета, сразу жестко обострились этнические проблемы, в частности в Бельгии начались разговоры о разделении на Фландрию и Валлонию. Глобализация ставит под сомнение существование национальных государств, и даже имперские проблемы при этом видятся иначе.

А что происходит в культурах тех обществ, которые прошли модернизацию, но сохранили пласты традиционных культур? Что могло бы послужить их выходу на новый уровень цивилизационного развития? Там можно увидеть много интересного. Напомню, что, например, в русской традиции никогда не ценилось богатство, а ценился достаток. Это очень хорошая идея. То есть должно быть какое-то внутреннее ограничение на энергетические и другие затраты для обустройства твоего предметного мира. Достаток есть — и хватит. В традиционном Китае есть похожая идея, Си Цзиньпин ее недавно сформулировал: мы хотим построить такое общество, чтобы средний достаток был у всех граждан. У китайцев также есть идеи, что истина открывается только нравственному человеку. И что если мы ведем себя безнравственно, то это может привести к природной катастрофе. После Чернобыля и Фукусимы мы задумываемся: возможно, это правда?

То есть в традиционных пластах современных культур есть много такого, что может указать переход на новое направление. То, что воспринимается как возрождение этнического национализма, возвращение к архаическим обществам, возможно, будет этому способствовать. Переход к новой стратегии развития не будет спокойным и благостным, весьма вероятны кровопролитные конфликты и войны. То есть это опасный процесс, и с этим надо считаться, бороться с возможными столкновениями мирными средствами — культурой, убеждением. Ведь националистические проявления начинаются с того, что пересматриваются ценности культуры — того богатства, которое человечество накопило за всю историю. Пусковым механизмом здесь могут стать идеи тех, кто претендует на то, чтобы быть элитой. Им нужно больше власти, освобождения от любого контроля сверху и от необходимости самоограничения. И тогда они ищут обоснование своей «элитарности»: мы самобытные, люди особой крови, у нас необыкновенная история и т. д. И вообще все рождаются неравными. В таких случаях масса достижений культуры «сбрасывается с корабля современности». Мы должны обращать внимание на это.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Фуаду Тейюбовичу Мамедову.

Ф. Т. МАМЕДОВ: — Я хочу сделать акцент на переходе от теоретического анализа к практическим действиям. В ответ на вопрос: «Что делать?» сфор-

мулирую три тезиса. Во-первых, давайте вспомним, что поведение человека меняется с изменением его культуры. Во-вторых, культура является историческим процессом — это забота о сохранении и поддержании человеческой жизни, и к этому стремятся все. Руководствуясь изначально ценностями культуры, едиными для всех базовыми ценностями, независимо от идеологии, мировоззрения, национальных интересов, хорошо бы нам всем подумать о разработке и реализации международных программ по выработке определенного уровня культурной идентичности представителей разных культур. Именно гармонизируя культуры, вырабатывая эти подходы, мы могли бы способствовать гармонизации интересов. Потому что когда есть духовное родство, решение экономических вопросов значительно упрощается.

Мне кажется, было бы неплохо подумать о переходе от человека типа *homo sapiens*, в рамках которого, мы знаем, есть культура дикости и культура варварства, феодализма и прагматизма и в то же время культура гуманизма, ради которой мы сегодня все здесь собрались, к человеку культурному, обладающему хотя бы достаточным (я не говорю высоким, если взять средний показатель) уровнем знаний, умений, организованности, нравственности и созидательной деятельности, путем аккультурации и инкультурации в различных регионах мира по определенным культурологическим и философским программам, вырабатывать такую идентичность и работать на ту самую дружбу, присущую русскому народу и вообще всем нормально мыслящим людям, о которой сегодня здесь говорилось. Сегодня дружба, к сожалению, позабыта, даже патриотизм фактически нередко воспринимается как национализм, а национализм всегда работает против самой нации.

Предлагаю конкретные меры. Давайте создадим рабочую группу по разработке концепции и программы аккультурации и инкультурации представителей разных культур и народов. Хочу выступить в защиту толерантности и мультикультурализма. Азербайджан в этом отношении является прекрасной моделью, где совместно проживают представители мусульманства, христианства, иудаизма, потому что мы традиционно старались исходить из формулы «Культура спасет мир, если мир защитит культуру».

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Василию Проданову.

В. ПРОДАНОВ: — Национальные государства, а потом и нации появились после Вестфальского мира, в конце Тридцатилетней религиозной войны в Европе. Разные этапы развития капитализма и национального сознания связаны с этапами разделения этого капитализма. Моя главная теза, что самые сильные государства и самые сильные нации были до 1970-х годов. Потом начался кризис национальных государств в условиях глобализации и процессы этнического возрождения. Сегодня ускоряются процессы распада политических наций. В начале XX века в мире было около 60 государств, теперь их количество превышает

210, то есть стало в 3,5 раза больше. Они образовались за счет распада стран на этнической почве. На Балканском полуострове четверть века назад было 6 государств, теперь 13.

В начале 1990-х я оказался в Вашингтоне, в Центре стратегических и международных исследований, возглавляемом Збигневом Бжезинским. Там я увидел карту сценария для Европы, над которым они работали: Европа, разделенная на 200 маленьких государств. Это было связано с реальными тенденциями. После Вашингтона я поехал в Уэльс и там узнал, что за 20 лет до этого уэльское самосознание было очень слабым, многие жители Уэльса даже не говорили на уэльском языке. Потом началось этническое возрождение, появились национальные телеканалы и даже дорожные знаки на уэльском языке. Тем не менее Уэльс остается территорией Великобритании.

В последние годы появился так называемый дистанционный национализм. Бенедикт Андерсон говорит, что в Чикаго больше польских националистов, чем в Варшаве. Это объясняется тем, что они живут в чужой среде и в то же время общаются с соотечественниками в виртуальном пространстве, то есть находятся в двойственном состоянии. Несколько лет назад, когда Ангела Меркель сказала, что мультикультурализм провалился, в журнале «Шпигель» сравнили, как интегрировался турецкий гастарбайтер в германское общество 1960-х годов и как сейчас. В то время муж, например, работал на заводе «Фольксваген», жена ухаживала за детьми и смотрела местное телевидение. Сегодня она тоже остается с детьми дома, но смотрит турецкое телевидение, так что интеграции не происходит. Мультикультурализм не работает. Таким образом, этнические сообщества глобализируются через масштабную миграцию, но вместе с тем нарастает так называемый этнический национализм. В итоге политические нации дезинтегрируются. Это будет одним из острейших противоречий XXI века. Есть разные сценарии дальнейших процессов — постглобализация, новый национализм и второе рождение фашизма, нацизма, расизма, ксенофобии, новые глобальные войны, новое Средневековье, посткапиталистический мир. Возможность реализации каждого сценария не равна нулю. Поживем — увидим.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Константину Семеновичу Пигрову.

К. С. ПИГРОВ: — Я с удивлением и ужасом понял, что мое выступление получается моралистическим и к тому же направлено против доклада профессора Конева, что вообще недопустимо. И у меня есть эпиграф: «Что отдал — твое навеки, что припрятал — то пропало» (Шота Руставели). Итак, это ответ профессору Коневу, который испел негативную свободу. Думаю, что, идя по пути негативной свободы, мы попадаем в тупик национального эгоизма, а это форма социальной болезни: воспаленное, пронизанное тяжелым ресентиментом состояние национального сознания. Противоположностью национальному эгоизму является национальное здоровье, которое в обобщенной

форме предстает в разных обличьях, например как доверие (мы знаем замечательные работы на эту тему), справедливость (мы все знаем автора, который продвинул нас в этом вопросе). О национальном здоровье можно прочесть в учебной литературе, но в публицистике практически стало хорошим тоном восхвалять национальный эгоизм. Авторы вопреки своему естественному нравственному чувству, которое им органически свойственно, принуждают себя положительно оценивать это отрицательное явление национальной ментальности. Методологически важны биологические ассоциации таких терминов. Подчеркивается аналогия человеческих обществ с биологическими сообществами. Но (тут начинается оппозиция) мы люди и живем не по биологическим законам.

Мы присутствуем не только в царстве необходимости, но и в царстве свободы. А что есть свобода в позитивном смысле? Если мы читаем Канта и Лейбница, то знаем, что свобода в известном смысле синоним милосердия. Вызов свободы — да. Но только как вызов милосердия. Быть свободным — значит деятельно обнаруживать милосердие. И в основе цивилизации лежит аксиологический горизонт эпохи Просвещения, в защиту которой я хочу выступить. Все мы люди Просвещения и остаемся в этом главном горизонте.

Милосердие — это и есть реализация того самого братства, которое, как кажется, где-то пропало. Речь идет, вообще говоря, о спасении новоевропейской цивилизации, которая, напомним, есть важнейший этап в мировом развитии. Это счастливый случай, удача человечества, но мы можем ее потерять. Несимметричный ответ на национальный эгоизм состоит в высококультуривированной всемирной отзывчивости русской души, в способности к всемирной отзывчивости — главной способности нашей национальности, как говорил Достоевский. Тут я бы ввел концепт национальной щедрости, которая сплывает народ как целое.

Народ, переживая свое великодушие и благородство, консолидируется, и мера национальной щедрости не может быть определена универсальной формулой, но она определяется каждый раз неповторимой способностью суждения, которая присуща или не присуща властвующей элите. Это всегда индивидуальное решение — относительно национальной щедрости. Таким образом, я хотел бы ввести еще один концепт — морального капитала, это важнейший момент человеческого капитала. С этой точки зрения человеческий капитал становится не только экономической, но и историсофской категорией, которая характеризует новоевропейскую цивилизацию в целом, в наиболее ценных ее свойствах. И ядром человеческого капитала, как показала эволюция этой идеи (вы помните, идея человеческого капитала была отмечена нобелевскими премиями), становится человек не только профессиональный, но и с развитым чувством справедливости, способный к доверию — словом, человек, характеризующийся способностью ко всемирной отзывчивости.

Мой вывод, собственно, чрезвычайно прост и лежит на поверхности — культивирование морального капитала как интегративной способности определяет

надежный и единственно достойный выход из национального кризиса как нашей страны, так и других.

Относительно Германии. Германия — это тоже наша внутренняя боль. Мы от немцев получали культуру, а в первой половине XX века немецкая история преподавала нам урок — провал консервативной революции. Ее деятелям казалось, что в ответ на национальное унижение страна будто бы имеет право на биологическую реакцию. И, мол, можно забыть все завоевания новейшей европейской цивилизации, которые дались Германии таким трудом и кровью. Чем закончилось? Мы уже можем оценить ту историческую авантюру, тот национальный провал. Да, сегодня Германия материально процветает, но в духовном плане Германия утратила нечто такое, что могло бы быть нравственным образцом для других народов. Прощение не наступило. Будем надеяться, что эта потеря не навсегда. Германия сегодня — это чувствуют люди, которые читают немецкую литературу, — все более становится духовной провинцией, и это расплата за то падение, которое совершилось.

Мы сами должны получить урок. Мы ни в коем случае не можем поддаться и изменить чувству всемирной отзывчивости русской души.

В. А. КОНЕВ: — Можно вопрос? Ваш эпитафия: «Что отдал — то сохранил». Я отдал. Вы говорите о милосердии. Это то, что моему сердцу мило. То есть исходит из человека, и поэтому вы не противоречите профессору Коневу.

К. С. ПИГРОВ: — В этом смысле да. Я бы сказал иначе: профессор Конев не противоречит мне. Мы должны вспомнить, что свобода — это прежде всего позитивное начало. И когда мы читаем Канта и Лейбница, то видим мир свободы как синоним мира милосердия.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Светлане Николаевне Иконниковой.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Я собиралась выступить на темы ментальности и национального характера, но сейчас хочу затронуть проблемы, которые обсуждаются здесь. Мне кажется, принципиальной является позиция, которая сначала столкнула, а потом соединила профессоров Конева, Пигрова и Маркова. Это перспективы европейской цивилизации и будущее нашей страны с цивилизационной точки зрения. Мне кажется, что мы должны выйти за пределы узких континентов и обратить внимание на перспективу будущего, потому что тот уровень развития, который сопровождает современную культуру, вызывает большие сомнения. Сомнения в голове, повернутой назад, стремление соединить несоединимое могут создать кентавра, который станет угрозой гуманизму. Поэтому отступление не может быть оптимистическим.

Мне кажется, что достаточно сложной является проблема отказа от перспектив развития России как европейской цивилизации и стремление так или иначе развернуться на Восток, обратиться к евразийству.

Это несколько искусственное решение, тот самый кентавр. Может быть, в далекой перспективе это произойдет. В 1920-х многие авторы — Савицкий, Трубецкой, ряд других — тоже говорили о евразийском повороте России как об очень отдаленном будущем, которое не может реализоваться только потому, что восточные мотивы присутствуют в истории России и восточные черты — в ментальности. Таким образом, мой первый тезис заключается в том, чтобы обратить внимание на дальние перспективы, без которых мы лишаемся той основы, которая может вдохновить молодежь и всех нас, — развития европейской цивилизации, и России в том числе, как основы будущего.

Второй тезис, который я тоже считаю существенным, — вопрос взаимопонимания и сотрудничества, совместной деятельности. К сожалению, мы утрачиваем взаимопонимание, которое, на мой взгляд, является высшим достижением цивилизационного развития. Взаимопонимание, понимаемое не как терпимость, когда я вас поддерживаю, что бы вы ни сделали, а как то, что делает человечество сильным, продвигает его к определенной цели. Может быть, надо еще и еще раз вместе подумать и обсудить, что именно может стать таким связующим элементом. Не хочу говорить о гумилевской пассионарности, хотя мне очень близко это понятие. Нужна некая оптимистическая надежда, а не примирение. От взаимопонимания и сотрудничества может рождаться новая перспектива, увеличивающая силы человечества, причем не столько в технических областях, а в подчинении технических возможностей высоким идеалам и направлениям. Для такой оптимистической надежды, устремленности нужен новый термин, определение, которое может соединить всех нас.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Следующий выступающий — Ольга Николаевна Астафьева.

О. Н. АСТАФЬЕВА: — Это замечательно — погружаться в такую среду, когда тема близка и понятна и вопросы появляются по ходу каждого выступления. Дискурс, который сейчас проявился, наверное, снял некоторое напряжение, которое возникло, когда мы увидели центральную проблему, вынесенную на Лихачевские чтения. Привыкнув акцентировать внимание на диалоге, мы вдруг увидели, что нам предлагается посмотреть на проблему несколько иначе, я бы сказала, значительно шире. Мне кажется, это вполне естественная логика развития. Более того, сегодня многие касаются вопросов, непосредственно относящихся к национально-культурной идентичности, и исходят из различного понимания нации. Мы прекрасно понимаем, что не случайно Абдусалам Абдулкеримович просит всех обратить внимание на это — хотя бы потому, что знаем: нация сегодня воспринимается и трактуется по-разному — и с точки зрения теории, и с точки зрения реального понимания практики, и даже на повседневном, бытовом уровне.

С одной стороны, нация — это реальная общность, имеющая свой язык, историю, которую как бы ни пытались переписать, она все равно присутствует в опре-

деленном, сложившемся, обоснованном концептуальном плане. И поэтому не случайна такая реакция на любые попытки переставить акценты.

На мой взгляд, история очень часто переписывается, особенно тогда, когда в нее включаются болезненные современные события. В то же время нация воспринимается сегодня как результат развития государства, то есть стадийно-процессуальный фактор. Это подход к материальным и транспортным инфраструктурам и т. д. С этим нельзя не согласиться, потому что если государство не сформировало устойчивую ментальную основу, его тоже не может быть. Как бы ни старались некоторые развивающиеся государства (извините за устаревший дискурс), но этого если нет, то нет по сути и национального государства. Есть внутренняя культурная оболочка — язык, религия, которые связывают все это воедино, но основания для этого есть не всегда.

Наконец, сегодня категория нации часто подменяется «национальным». То есть предполагается некий коллективный разделяемый образ — как национализм, политическая доктрина и т. д. И когда мы говорим о национальной культурной идентичности, то должны сначала осознать, о чем идет речь, и тогда станет понятно, почему возникают и теоретические, и реальные жизненные противоречия. Национальная идентичность базируется на многих компонентах, это вообще-то синтетическое, очень широкое понятие. Это социально-культурные и даже политические идеи и, конечно, ценности и смыслы, которые и составляют национальную идентичность. Ядро (многие коллеги уже об этом говорили) — это, несомненно, культура. Здесь было бы уместно выступление Валерия Александровича Тишкова о гражданской идентичности, когда принадлежность к конкретному государству не отрицает принадлежность к культуре, но вбирает ее и выстраивает определенную иерархичность этого самого главного, центрального ядра. Была и проблема другого, и проблема своего и чужого, но мне кажется, что проблема национально-культурной идентичности имеет главную и серьезную коннотацию — ориентированность на моральные факторы, сближающие людей. То есть это пространство коллективного самосознания, которое морально по своей сути. Эти рамочные условия не делают всех одинаковыми, но делают едиными. Это два разных концептуальных посыла, поэтому граница идентификационных матриц коллективных идентичностей в современном мире очень подвижна.

Реструктуризации и демаркации коллективных идентичностей — серьезнейшая современная проблема. Профессор Марков сегодня подчеркивал, что говорить о национальной культурной идентичности как стабильной идентификационной матрице вообще не приходится. Совершенно согласна, могу привести много примеров.

И еще один тезис, который мне кажется важным. Появилась новая линия, которая поддерживается в том числе и в отечественной культурологической мысли, — что транскультурная и транснациональная идентичность стала более мощной, она сегодня отвечает концепции множественной идентичности и противо-

поставляется всем другим идентичностям. Этнокультурная, этническая, религиозная идентичность. На самом деле здесь основной посыл заключается в том, что все они взаимодополняемые. Принцип взаимодополняемости конкурирующих по сути идентичностей становится, как мне кажется, той точкой, которую мы должны еще раз пересмотреть и осмыслить. Этот принцип позволяет понять, как соединить несоединимое, и способствует достижению национального единства.

Что касается других стран, то коллеги сегодня говорили о том, как формируется национально-культурная идентичность, связанная с историей, с неким порывом, с самоорганизацией, — все это замечательно, но нужно понимать, что современные государства конструируют свои национально-культурные идентичности. Имеющие глубокие традиции страны, такие как Китай, США, Франция, Япония, Иран и многие другие, позиционируют себя как страны, которые эту идентичность конструируют на уровне государства. У нас неустойчивость идентичности сегодня перенесена на Россию и Украину — только посмотрите, какой кризис идентичности переживают эти два государства. Мне кажется, это смещение акцентов, потому что неустойчивость европейской идентичности — не менее существенная и проблемная тема.

Например, во Франции актуализируется проблематика этнокультурной идентичности выходцев из стран Карибского бассейна. Сейчас они уже полноценные граждане страны, обладающие одной из устойчивых коллективных идентичностей — гражданской. В Великобритании — постколониальный иммиграционный дискурс. Включается тема английского национализма, что связано с увеличивающимися расхождениями между идентичностью англичан и британцев, для которых все очевиднее наступает время выбора пути развития — по модели европейского федерализма или по модели мультикультурализма, напряжения, национальной идентичности, гибридных образований. Для современной Великобритании британская азиатская идентичность является нормальной, как и британская идентичность черных выходцев из Африки. То есть мы видим гибридные состояния — в какой степени это будет британская идентичность, английская, национальная и т. д.?

Не менее сложными представляются идентификационные процессы на африканском континенте. С одной стороны, здесь установилась стабильная ситуация, при которой права этнокультурного большинства и меньшинства принимаются как данность, с другой — исторически сложившаяся ситуация в условиях модернизации обнажает противоречия и усиливает кризис идентичности. Эта проблема становится проблемой политической идентичности. Вызовы идентичности в арабском мире не менее сложны. Население регионов включается в конкуренцию идентичностей, при этом политические, социальные, классовые конфликты не разрушают этническую и сопровождающую конфессиональную идентичность. Ведь арабский мир ассоциируется для нас прежде всего с исламом. Но его население проявляет уважение к причастности человека уже и по клану, по крови и т. д. Здесь

тоже есть много сложных проблем, которым уделяют большое внимание и зарубежные исследователи. И мне хотелось бы сказать: очевидно (вчера об этом говорил и Петр Дуткевич), что надо смотреть на эти данности как на процессы, когда государство меняет свое отношение к культурной и национально-культурной идентичности. Надо понять и отношение нашего государства к этому. Что представляют собой документы, которые появляются и рассматриваются как критические, например «Основы государственной культурной политики»? По сути, это тоже определенная модель конструирования — но чего? Каковы цели? Хочу поблагодарить всех присутствующих за то, что все эти проблемы вынесены на обсуждение.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Аиде Николаевне Мосейко.

А. Н. МОСЕЙКО: — Изменяющийся мир вынуждает пересмотреть целый ряд классических понятий, в частности такие, как «нация», «национальное самосознание», «цивилизация» и т. д. Я занимаюсь исследованием Африки и Мадагаскара и одновременно русского мира. Эти два интереса постоянно переплетаются и помогают мне избирать подходы к преподаванию философии.

Сегодня Африка — это лаборатория, в которой проходят процессы, давно завершившиеся в Европе, например активное нациеобразование. Поэтому классическое определение нации как постсословного явления уже не подходит, потому что нации существуют вместе с сословиями и даже на основе сословий. Пострелигиозное определение нации (о чем на пленарном заседании говорил академик Гусейнов) тоже не устраивает, потому что нация иногда формируется на базе национальных ценностей. Основная национальная ценность в Африке — язык — тоже нерелевантна и имеет значение только на Мадагаскаре (где говорят на английском, французском, португальском языках и т. д.). Что остается в качестве основы? Религия как основа культуры и этика как основа жизнеустройства.

Сегодня мы говорили о том, что необходимо искать новые традиционные этические нормы. Именно это подсказывает Африка, где существует этическое понятие «убунту» (на языке банту; в переводе на русский оно близко к понятиям русской философии — идее всеединства и всечеловечности), которое используется уже несколько десятилетий.

Мне хорошо известен эмпирический материал. Нациеобразование, например, на Мадагаскаре происходило параллельно с формированием цивилизационного самосознания. В формировании нации огромное значение имеет национальное самосознание. На Мадагаскаре проживают 18 народностей. Стимулом для объединения интересов всегда служит пограничная ситуация. В частности, на Мадагаскаре в качестве такой ситуации выступало вмешательство Франции, которая провозгласила господство французской цивилизации. А на Мадагаскаре в это время уже складывалась собственная цивилизация, в рамках которой трепетно относятся к своему языку, культуре. Народ воспротивил-

ся французскому вмешательству. Республика Мадагаскар — пожалуй, единственная страна, которая с оружием в руках 66 лет боролась с колонизацией. Борьба принимала разные формы, например партизанское движение, и охватила весь остров. Погибли миллионы людей. В этой пограничной ситуации родилось национальное самосознание, которое переплелось с цивилизационным самосознанием. Это было осознание не только единой нации, но и себя как государства среди других народов. Мадагаскар заявлял, что хочет занять свое место среди других наций. Они претендовали именно на свое место — это цивилизационный момент в формировании самосознания.

Кроме того, происходит много других драматических процессов. Один из них — смена идентичности. Существует иерархия идентичности: этническая, национальная, цивилизационная. На смену нации приходит цивилизация, национальные интересы могут быть несколько приглушены цивилизационными интересами.

Здесь реализуется мой интерес к русскому миру. Сегодня говорить о том, что Украина входит в русский мир, невозможно. В частности, на Украине выходят материалы, которые так и называются — «Убить русский мир». Являются ли Украина и Россия единой цивилизацией? Ответ на этот вопрос может помочь примирению.

И вновь об Африке, где драматические процессы смены идентичности проходят следующим образом. Создается негативный образ Африки, который культивируется Западом. Кстати, мы тоже подпитываем эту идею, некоторые отечественные теоретики, например Неклесса, называют Африку континентом смерти. Негативный образ Африки приводит к тому, что сами африканцы стремятся покинуть континент. Каждый, кто получил образование, мечтает уехать на Запад и полностью сменить свое «африканство» (они считают себя французами, англичанами и т. д.). Этот драматический процесс пересекается с процессами образования нации.

Яркий пример — в прошлом году отмечалось 20-летие прекращения геноцида в Руанде, когда в борьбе с хуту погиб миллион тутси. Что произошло за эти 20 лет? Посол, который выступал в нашем институте, сказал о том, что сейчас каждый представитель тутси или хуту на вопрос: «Кто ты?» отвечает: «Я руандиец». Это еще несформировавшаяся нация, но уже присутствуют элементы национального объединения и самосознания. Возникла пограничная ситуация, которая дала толчок развитию.

За прошедшие 20 лет была сформирована традиция убунту (сайт создал белый англичанин, который является пропагандистом убунту). По всей Африке сейчас сформированы комитеты национального примирения. В частности, такой комитет во главе с африканцем епископом Десмондом Туту активно работал в ЮАР, потому что там стояли и национальный, и цивилизационный вопросы. Африканеры объявили африканцев другим народом, нигерами. И африканцы боролись не только за свое национальное освобождение, но и за право называться африканцами. Это цивилиза-

ционный момент. Нельсону Манделе, который создал комитеты примирения, удалось сгладить расовые противоречия (не национальные).

Сейчас национальные комитеты создаются на Мадагаскаре, где проходит процесс нациеобразования. Там проживает сложная, тонко организованная нация, полувосточная, полуафриканская. Она помнит об обидах, которые были нанесены ей сто лет назад, что мешает ее развитию. В настоящее время проходит процесс национального примирения.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — На трибуну приглашается Арнольд Арамович Оганов.

А. А. ОГАНОВ: — Со времен Петра I продолжается дискуссия о том, что такое Россия — Восток или Запад. А. С. Пушкин предложил оставить этот спор. Но, несмотря на то что мы не можем его оставить, мы не стали ближе ни к Востоку, ни к Западу. Это вызывает ироничное отношение к бесконечным поискам ответа на данный вопрос.

Несколько слов о понятии «национализм». Я привык вкладывать в него негативный смысл. Готов, если есть основательная мотивировка, изменить свою точку зрения. Но с помощью какого понятия в этом случае можно обозначить негативные проявления национального? Шовинизм? В ряду «объективное—объективизм», «субъективное—субъективизм», «воля—волюнтаризм», «национальное—национализм» второе понятие имеет негативный смысл. Для того чтобы различать два понятия, возникли негативные коннотации. С прагматической точки зрения понятие «национализм» носит негативный характер, оно обрело такой смысл после «оттепели». Эта проблема скорее типологического свойства, все дело в том, как его понимать.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Виктору Анатольевичу Авксентьеву.

В. А. АВКСЕНТЬЕВ: — Вчерашняя и сегодняшняя дискуссии уже сформировали довольно четкое поле для дискурса, причем с выраженными антитезами. Я оттолкнулся от двух вчерашних выступлений, связанных с украинской проблематикой. Тот факт, что первое слово и на пленарном, и на секционном заседаниях было предоставлено нашим украинским коллегам, — не просто дань уважения, сопереживание тому, что происходит — употреблю старую терминологию — в братской стране, у многих людей корни связаны с этой страной, там живут родственники, друзья. Есть и другая причина — мы смотримся в украинский кризис, как в зеркало, в котором пытаемся отыскать ответы на вопросы, что происходит и что будет происходить в России, как можно предотвратить то, чего не смогли избежать на Украине.

На пленарном заседании основные акценты были расставлены в двух выступлениях. Первое выступление — академика Национальной академии наук Украины Петра Петровича Толочко, которое он посвятил провалу идентификационного проекта на Украине

и назвал его, на мой взгляд, очень удачно, сказав, что на Украине использовался брутальный идентификационный проект. Второе выступление — Виталия Товиевича Третьякова, в котором он высказался достаточно образно (он не касался проблем Украины, но они были очевидны) о геополитическом факторе.

И то и другое сработало на Украине. Но разве украинцы сами выбрали брутальный идентификационный проект? Нет, он был навязан им. И здесь решающую роль сыграла геополитика. Украина находится в разработке у США как минимум с 1960-х годов, а в 1980–1990-е годы особенно активно — известные работы З. Бжезинского давно разобраны на цитаты. С одной стороны, никакие геополитические игры вокруг Украины не имели бы таких катастрофических последствий, если бы там был реализован другой идентификационный проект. С другой стороны, геополитическая значимость Украины такова, что вряд ли другой проект мог быть там реализован. И что здесь первично, что вторично (в том числе хронологически) — я не могу сказать. Для России это важно в плане осмысления собственных проблем.

Приведу цитату из своего доклада: «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код». Россия начинала примерно так же, как Украина, мыслила подобным образом в начале 1990-х годов. Многие в меру своих возможностей и должностного положения стремились к реализации этого тезиса. Понадобилось много лет, чтобы понять, что это не совсем так. Я здесь не согласен с профессором Иконниковой, что надо быть частью этой системы. О том, почему нас не хотят принимать на Западе, не воспринимают как свою часть, прекрасно сказал профессор Хренов. Соответственно надо быть прагматиками, выстраивать прагматические концепции.

Комментируя некоторые российские проблемы, я выделил три момента.

Первый момент. Мы выстраиваем собственное цивилизационное видение сегодня не только на основе изысканий, которые ведутся, начиная с Филофея, «Повести временных лет», но и в контексте геополитических реалий, которые сложились. В этом я согласен со специалистами по геополитике, которые считают, что решение геополитических противоречий между Россией и США в рамках существующей конструкции мира невозможно. Соответственно к этому надо приспособливаться, то есть нужно ориентироваться в своем цивилизационном выборе на жесткие реалии современного геополитического устройства мира.

Второй момент. Нельзя не замечать, что центр экономического развития, современной цивилизации перемещается из Европы, с Запада в Юго-Восточную Азию. И в этом смысле промежуточное положение, которое всегда считалось недостатком России, нашей периферийной цивилизации, выступает в качестве плюса. Почему бы не использовать эту ситуацию для собственного дальнейшего развития?

Третий момент. На мой взгляд, цивилизации, основанные на коммунитаризме или корпоративизме, имеют исторические преимущества перед цивилизациями,

основанными на индивидуализме и либерализме. Будущее — за коммунитаристскими цивилизациями.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается Борис Владимирович Аксюмов.

Б. В. АКСЮМОВ: — Хочу сказать несколько слов о российской идентичности. Что наталкивает нас на эту идею? Помимо процессов глобализации и интеграции, современный мир испытывает сильные дезинтеграционные тенденции.

Акцентирую внимание на трех событиях, которые должны нас насторожить.

Первое — плебисцит в Каталонии, согласно результатам которого более 80 % населения этой области высказали желание выйти из состава Испании. В России много национальных республик, и в 1990-е годы часто возникала проблема сепаратизма, например в Татарстане и республиках Северного Кавказа, в Чечне прошли две войны.

Второе — референдум в Шотландии. Голоса сторонников выхода Шотландии из состава Великобритании и противников разделились поровну, и Шотландия осталась в составе Великобритании. Это событие показывает, что современные многосоставные государства неустойчивы, имеют тенденцию к раздроблению.

Третье — Украина. В связи с этим возникает вопрос, как в России обстоят дела с идентичностью. Проект новой российской идентичности был запущен после распада Советского Союза. Одна идентичность прекратила существование, и нужно было формировать другую. Как показывают наши исследования и исследования, проводимые другими учеными по всей стране, проект формирования российской гражданской идентичности в целом реализован. Даже в республиках Северного Кавказа, особенно западных (Карачаево-Черкесия и др.), более 70 % граждан считают, что быть гражданами России для них либо очень важно, либо важно. Поэтому сегодня у нас сформировалась модель, закрепленная в «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года»: мы делаем ставку, с одной стороны, на формирование и укрепление гражданской идентичности, с другой — на развитие этнокультурного многообразия. Все это должно привести к гармонизации межнациональных отношений, развитию идеи национального единства и пр.

Каковы недостатки этой модели? Во-первых, гражданская идентичность, как я уже сказал, — это реализованный проект, то есть нужно идти дальше. Тем не менее и в речи президента, и в главных нормативных документах словосочетание «гражданская идентичность» повторяется как мантра. Во-вторых, у нас существует культурное многообразие. Его, возможно, даже больше, чем нужно для реализации идеи национального единства страны. То есть получается, что модель, которая сейчас реализуется, опирается на существующее положение вещей — что есть гражданская идентичность и этнокультурное многообразие. Но нет главной третьей составляющей — гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, потому что существует конкуренция (об этом, в част-

ности, говорила Ольга Николаевна) между гражданской и этнической идентичностью.

В качестве примера приведу результаты исследования, проведенного в 2015 году в Чеченской Республике. 78 % жителей Чечни считают, что для них очень важно быть чеченцами, представителями своей этнической группы. Количество тех, кто считает, что для них важно быть гражданами России, — всего 36 %, то есть в два раза меньше. Это реальная конкуренция. В этой иерархии идентичностей у нас, к сожалению, часто на первом месте стоит этническая, конфессиональная, региональная идентичность, а российская — где-то на периферии. В перспективе это может привести к серьезным проблемам.

Мы считаем, что полностью преодолели проблему сепаратизма в 1990-е годы и можем развиваться дальше. На самом деле при любом внутреннем кризисе и внешнем давлении, которое вероятно в современных условиях, когда наши геополитические друзья активизировались (об этом много говорили на пленарном заседании), могут быть рецидивы. И не факт, что мы их успешно преодолеем, как это было сделано в 1990-е годы.

В связи с этим я предлагаю сделать следующий очередной шаг на пути к интеграции. Гражданского единства мы достигли, теперь нужно стремиться к социокультурному или цивилизационному единству. Когда речь уже идет не о том, что мы граждане одной страны, но у каждого своя культура, ценности, нормы, особенности поведения, специфика, а о том, чтобы нормы и ценности были едиными. Это не означает, что мы должны уничтожить этнокультурное многообразие. Это крайний шаг, который ни к чему не приведет. Это говорит только о том, что под многообразием мы должны подвести общий социокультурный фундамент, основанный на русской культурной и цивилизационной матрице.

— Чтобы все стали русскими? (*вопрос из зала*)

Б. В. АКСЮМОВ: — Нет, чтобы русские культурные исторические ценности стали основой для консолидации. Это не моя идея, но я с ней согласен. Об этом говорил президент, написано в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. Мы должны выбрать культурную матрицу, вокруг которой объединимся. Если это будет не русская матрица, то какая? Чеченская, татарская? Но 82 % населения — русские, поэтому мы и должны консолидироваться вокруг этой нации.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — О чем бы мы ни говорили, все отталкивается от культуры и образования. Формирование культуры и национального сознания связано с культурой и образованием. В контексте Лихачевских чтений мне хотелось бы обратиться к словам Д. С. Лихачева, который рекомендовал в области образования в первую очередь выделить предметы гуманитарного

цикла, прежде всего историю, исключая фальсификацию исторических фактов.

Кроме того, Дмитрий Сергеевич выделял литературу. На современном этапе это особенно важно, потому что в наше время такие слова, как «рассказать», «прочитать», «повествовать», заменяются выражением «сделать сообщение». Но сделать сообщение — это нечто краткое, обездушенное, обезличенное. Когда мы читаем классику, хорошую литературу, то в первую очередь анализируем отношения людей, сталкиваемся с такими категориями, как честь, совесть. По оценкам ученых, эти слова сегодня тоже исчезают из нашего лексикона.

В третью очередь Дмитрий Сергеевич предлагает обратиться к языкам. Он много писал о языке, слове, культуре. Я добавила бы в этот список иностранные языки, потому что они расширяют окружающий мир, формируют умение коммуницировать с представителями различных культур. Мне кажется, что на такой облагороженной почве будут расти культурные растения, не чертополох. Хотя, как мы знаем, сорняки часто забивают культурные растения. Если под культурными растениями подразумевать культурных людей, то сознанием таких людей будет трудно манипулировать.

В. С. СТЕПИН: — Маленькая реплика насчет философии, которую не любил Д. С. Лихачев. Я, будучи философом, тоже не любил исторический материализм в той версии, которая представлена в учебнике Константинова, но это не значит, что мне не нравится философия. У Лихачева примерно такое же отношение.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Оресту Владимировичу Мартышину.

О. В. МАРТЫШИН: — Я хочу рассмотреть проблему, которая была затронута на пленарном заседании в выступлении академика В. С. Степина. Вячеслав Семенович сказал, что национальный интерес представляет собой нравственную, этическую ценность. Безусловно, правильная постановка вопроса. Коллизию между внешними вызовами и национальным интересом можно представить как конфликт этических ценностей. Помимо внешних вызовов, у национального интереса есть еще один потенциальный противник — частный, или личный, интерес.

Все конфликты на практике решаются просто и обусловлены соотношением сил и возможностей. Но в чем будет заключаться идеальная модель решения коллизий между тремя ценностями — частный интерес, национальный интерес и глобальный интерес или внешние вызовы? Мы признаем, что требования каждой стороны по-своему справедливы, обоснованы. Как быть, если эти обоснованные ценности сталкиваются? В том, что касается национального и личного, или частного, интереса, я, рискуя прослыть врагом либерализма, отверг бы распространенную в нашей юридической литературе последних лет мысль о том, что частный интерес должен превалировать. При этом все ссылаются на ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его

права и свободы являются высшей ценностью». Это, как мне кажется, не вполне удачное публицистическое выражение, которое грамотно опровергается в ст. 55 ч. 3 Конституции РФ, где перечислены основания, которые позволяют с помощью закона ограничивать эту высшую ценность — права человека. Лозунг «Права человека — это высшая ценность», приоритет прав человека нельзя отнести к сознанию грамотного либерала. Это результат правосознания искаженного тоталитаризма, которое строится по принципу полного отрицания того, что было. В то время высшей ценностью было государство, сейчас — права человека. В либеральной традиции этого нет и никогда не было. Во Всеобщей декларации прав человека приводятся те же принципиальные основания ограничения прав человека, что и в ст. 55 ч. 3 Конституции РФ.

Как быть с коллизией национального и глобального? Когда мы говорим «человек и государство», речь идет о части и целом. И как тут ни вспомнить Аристотеля, который сказал, что целое всегда предшествует части. Нельзя ли в коллизии национального и внешнего интересов попытаться применить модель, в которой целое всегда предшествует части?

Я думаю, что это невозможно по целому ряду обстоятельств. Прежде всего нет органического целого, потому что у государства другая степень единства по сравнению с международным сообществом, а есть суверенные державы, о чем сказано в ст. 2 Устава ООН. За глобальные интересы целого выдаются интересы отдельной группы государств, а методы и давление со стороны этой группы часто можно назвать новыми формами империализма (это слово не следует забывать, как и многие другие слова из марксистского лексикона). Если нет этого органического единства, то нет и способа осуществления глобального интереса, потому что санкции, основанные на международном праве, — условная категория, их применение затруднено и требует всеобщего консенсуса или, во всяком случае, консенсуса постоянных членов Совета Безопасности ООН, который возникает чрезвычайно редко.

Итак, следует признать, что в этой коллизии нет иерархии, высшей ценности. Нельзя говорить о том, что национальный интерес должен быть принесен в жертву глобальному. Национальное самопожертвование — совершенно невиданное явление. Это создает благоприятную почву для развития национализма. На нашей конференции неоднократно отмечалось, что сейчас мы переживаем период вспышки национализма, которой содействовал уход в прошлое биполярного мира, объединявшего страны и государства в различные группы.

Как относиться к национализму? Нужно любоваться, культивировать национализм или, наоборот, ставить препоны для его развития? Мне кажется, нужно прибегнуть ко второму методу. Для этого прежде всего необходимо четко различать защиту национальных интересов и национализм как мировоззрение. Национализм как мировоззрение при колоссальном разнообразии (он бывает сравнительно пристойным и абсолютно безобразным) обладает определенными чертами: нация — фетишизированный объект лояльности;

утверждение национального единства; не игнорирование, а отрицание социальных противоречий в рамках этой нации; нация — единый организм; любование национальными традициями, отсталостью.

Николай Семенович Лесков сказал, что так называемый консерватизм у нас чаще всего сводится к полной косности. Мы наблюдали любование национальными традициями. В связи с этим возникает чувство превосходства, потому что всякий национализм построено на идее национальной исключительности, национальной особенности. Такими мне представляются принципиальные различия между защитой национальных интересов и национализмом как мировоззрением и философией.

Национализм на основе этических соображений должен быть дополнен, облагорожен интернационализмом. Не нравится пролетарский интернационализм, который ушел в прошлое, — предложите другой вид интернационализма.

Нужно выбить из рук националистов всех мастей козырь, что национализм — это социальная программа, продемонстрировать ее убожество. Национализм, консерватизм всегда мирятся с социальной несправедливостью и неравенством. Любой консерватизм исходит из того, что мир несовершенен, он так создан и таким будет всегда. Следует демонстрировать, что одного национализма недостаточно, и показывать, какая социальная программа скрывается за национализмом.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — На трибуну приглашается Татьяна Викторовна Кузнецова.

Т. В. КУЗНЕЦОВА: — Хочу сказать несколько слов о парадигме народности в эстетической теории фольклора. Самобытное народное искусство занимает важное место в современной культуре. Генезис закономерностей развития обществ современного типа соответствует англоязычному термину «модернити», который сложно понять. Долгое время занимались изучением лишь схемы развития общества.

Народность как философско-эстетическая категория — это принцип, определяющий угол зрения на явления общественной жизни, культуры, одновременно ценность, критерий оценки общественного сознания. Народ есть продукт процесса модернизации, который формирует, утверждает и рассматривает культуру с точки зрения меры ее народности, отвечает различным эстетическим идеям и понятиям и т. д.

Разгадать тайну народности для поэта — значит быть верным действительности при изображении низших, средних и высших слоев. В народном творчестве запечатлена душа народа. Она чрезвычайно образно, ярко представляет его психологию, характер, способствует установлению взаимопонимания и выполняет символическую функцию.

Можно много говорить о структуре народности, вспомнить реминисценции из фольклорного наследия, поразительные современные инновации, зрелищные и игровые телешоу («Играй, гармонь»), коллектив удмуртских пенсионеров «Бурановские бабушки», которых полюбили в России и Европе).

Дмитрий Сергеевич Лихачев писал, что культура — это святыня народа, нации. Сейчас модно говорить о ренессансе этничности, к которой неожиданно проявили интерес (в декабре 2014 г. На заседание Госдумы была приглашена кафедра эстетики). Государственные органы хотят возродить эстетическое воспитание. Но если раньше утверждали такие идеалы, как эстетическое воспитание и гармонически развитая личность, то сейчас — эстетическое воспитание в виде фольклорного творчества. Особенно ярко ренессанс этничности проявляется в современный период (например, «народники» в 1960–1970-х гг.).

Недавно вся страна отмечала День Победы, на котором было продемонстрировано единение народа, в том числе в связи с эстетической массовой жизнью, которая сейчас стремится возродиться. Например, Жуков как маршал Победы и как кавалерийский вахмистр — это разные люди. Изменились среда, язык общения, интересы, уровень образования, круг чтения и многое другое. Оставаясь наедине с самим собой, маршал любил поиграть на гармошке, на которой играл, еще будучи простым солдатом, а еще раньше — подмастерьем, скорняком. И мог ли он, родившись в смоленской деревне Стрелковке, где у него осталась мать и близкие родственники, иначе воспринимать есенинскую «страну березового ситца»?

Прошедший век оставил миру ряд проблем, от которых зависит будущее цивилизации. Жизнь стремительно развивается: интенсивная урбанизация, компьютеризация, научно-технический прогресс и т. д. Знаменитый художник Шемякин, выступая на творческом фестивале «Новелла», который проходит в Венеции, сказал, что венецианские фестивали мы можем возродить, только приглашая людей, играющих на русской гармошке, используя матрешек и петрушек. XX век богат художественными инновациями, которые могут быть названы революционными в искусстве. В истории искусств компьютер принадлежит к тем выдающимся достижениям науки и техники, которые олицетворяют новую деятельность, он подталкивает к рождению новых творческих практик.

Главный продукт творческой деятельности — человека — сейчас повсеместно стал заменять робот, который создается именно в ходе творческой деятельности. Американский футуролог Джон Нейсбитт писал, что робот возникает как продукт определенной исторической необходимости. Начиная с 2000 года японские специалисты, а также Джон Нейсбитт анализируют большую роль роботов в экономическом развитии: роботы строят роботов. Но роботов создал человек.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Светлане Мушаиловне Климовой.

С. М. КЛИМОВА: — На Лихачевских чтениях были представлены любопытные доклады и обозначены важные темы. Но иногда возникало ощущение, что гораздо проще говорить о глобальном, о том, что происходит в Европе, на Украине или в России, чем анализировать эмпирические срезы, наблюдать происходящие сегодня процессы.

Мой доклад посвящен теме русского национально-го сознания. Есть ли у нас нечто общее, о чем мы можем говорить, концептуализировать и выходить на цивилизационные срезы? Что мы представляем собой как нация? В определенном смысле сегодня в выступлениях представлена асимметрия — то, что мы говорим от имени народа и о народе.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — На трибуну приглашается Мария Ивановна Козьякова.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Я представляю Институт им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России. Мы традиционалисты, Малый театр сохраняет наше культурное наследие. Это определяет русло моего выступления о национальностях. На эту тему ведутся длительные дискуссии, спорят видные отечественные и зарубежные ученые (говорят о тенденции примордиализма, конструктивизме Андерсона и др.).

Несколько слов о цивилизационном аспекте. Звучали призывы обратиться либо к Европе, либо на Восток. Но мы тоже Европа, просто другая. Еще в IV–III веках до н. э. Древний Рим разделился на восточный и западный. Восточный пал, но Византия, откуда наши корни, просуществовала тысячу лет. Мы являемся наследниками Рима и в то же время европейской цивилизацией. По всем параметрам, которые характеризуют западный цивилизационный универсум (картезианский рационализм, веберовская мотивация труда, альфа и омега буржуазной собственности, индивидуализм), мы другие. Нужно использовать арсенал «мягкой силы» — то, о чем сейчас говорят многие. Никуда не стремиться, а просто заниматься собственным развитием.

Совершенно справедливо высказался на пленарном заседании господин Дуткевич: все проблемы начинаются дома. Мы породили многие проблемы, в 1990-е годы обратившись на Запад. Национальное всегда возникает в ответ на западный вызов (после Петровских реформ началось национальное единение).

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается Галина Григорьевна Коломиец.

Г. Г. КОЛОМИЕЦ: — Хочу вернуться к основным проблемам Лихачевского форума. Первая категория проблем связана с достоинством. Эта проблема поднималась во многих докладах, в частности австрийский философ Кёхлер сказал, что национальные интересы следует отстаивать с достоинством. О каком достоинстве он говорил? Он проводил различия между нацией и государством. Достоинство — в признаках других.

В изменяющемся мире можно найти неизменное ядро, существующее в нашем философском знании. Чувство собственного достоинства выделяется со времен античной философии, начиная с Аристотеля, и вплоть до сегодняшнего дня мы говорим о достоинстве, но уже в глобализирующемся мире. Речь идет об ответственности, умении отвечать на вызовы.

Вторая категория проблем — транснациональное. Говоря о транснациональном, профессор из Ирана выделил мысль, связанную с достоинством.

Транснациональное в искусстве — тема моего доклада. В Казани в конце апреля состоялся большой форум «Музыка как национальный мир искусства», посвященный 70-летию Казанской консерватории. Все участники признавали, что национальное связано с этническим. Но возник вопрос, что мы должны понимать под национальным, почему мы говорим «национальное», «этнокультурное»?

Здесь я возвращаюсь к выступлению А. А. Гусейнова, который высказал мысль о двух взглядах на нацию — нация как этнокультурное и как гражданское, геополитическое начало. Можно выделить и третью позицию — нация как космополитическое начало. Приведу пример из области искусства — София Губайдулина, которая родилась в Татарии (ее мать русская), но живет в Германии, она принадлежит и Востоку, и Западу. В фамилии Губайдулина поэтесса исключила второе «л», чтобы не подчеркивать, что это татарская фамилия. То есть она сторонник геополитического взгляда на мир, или гражданин мира. Как в этом плане можно представить критерии национального в искусстве? Как национальное этнокультурное, второе — как геополитическое, третье — как космополитическое. Я называю это транснациональным началом.

Любое произведение искусства создается национальным художником, но стремится стать транснациональным в своей бытийной сущности, уйти в вечность, быть признанным всеми. Не в смысле интернационального, как говорили в советское время, а именно как транснациональное, как выход, признание.

То, что происходит в искусстве, — усиление транснациональных начал — мы осмыслием здесь рационально и философски. Наверное, наше рациональное мышление еще не поднялось до интуитивного уровня, которое представлено в произведениях искусства.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА: — В русле обсуждаемой проблематики считаю необходимым и закономерным обращение к вопросу о границах национального в искусстве. Наиболее принципиальными здесь являются два момента.

Во-первых, эпоха глобализации открыла то, что проблема национального не существует стерильно, она неотделима от религиозных, политических, нравственных, эстетических аспектов культуры. Национальное в искусстве проявляется в сложном переплетении с социальными и психологическими процессами культуры.

Во-вторых, в национальном (и в его этническом, и в цивилизационном толковании) обнаруживается внутренняя разнонаправленность тенденций: с одной стороны, сегодня существует сверхактивный интерес к фольклору самых разных народностей, этническому прошлому, с другой — утверждаются образцы искусства, не имеющие какой-либо этнической «прописки» и даже искореняющие малейшую связь с «почвой».

В проекции на музыкальное искусство проблема национального приобретает особое значение, и в определенной степени звуковая сфера может служить ключом к пониманию проблемы в целом. Эта тонкая и трудно обсуждаемая тема открывается здесь весьма интересными гранями. На пленарном заседании академик В. А. Черешнев напомнил о колоссальной роли песни в Великой Победе, которая была больше, чем искусство. Она была знаменем духовности, патриотизма, нравственности, жизнеспособности нации.

Являясь мощной силой воздействия на сознание, музыка чутко запечатлевает структуру национального, прежде всего его внутреннюю антиномию: всеобщего и локального, архетипического и исторически преходящего. Глубокая объединяющая значимость музыки, позволяющая сближать носителей разных этносов и местных традиций и «говорить» за человечество в целом, соединяется с ее «разобщающей» способностью. Язык музыки настолько чутко отражает темперамент, традиции, менталитет отдельных этносов, что по степени «локализации» может соперничать с языком словесным, поскольку не допускает «перевода» музыки одних народностей на музыку других. Эта внутренняя антиномия музыки фиксирует важную для постижения ее смысла диалектику общего и особенного, национального и метанационального в культуре.

Музыка, фокусируя в себе остроту национального вопроса, обуславливает ключевое для понимания национального значение категории «граница». Ю. М. Лотман определял границу как фильтрующую мембрану, которая трансформирует чужие тексты так, чтобы они, вписываясь во внутреннюю семиотику семиосферы, в то же время оставались инородными. Д. С. Лихачев писал о «пограничье» как сфере укрепления национального самосознания. Диалектика границы, в ее единстве открытости и закрытости, помогает понять, что национальное — многомерная открытая целостность. Она неискоренима, но, как и любая сложная система, уязвима, подвержена всевозможным искажениям, имитациям, подменам. Это сполна подтверждает звуковая среда современного мира. Музыка неизменно сохраняет четкие национальные очертания, отражая геополитические, психологические особенности, менталитет, которые проявляются в создании, исполнении, восприятии музыкальных композиций. В то же время жизнеспособность звуковой среды проявляется не в герметичности и стерильности, но в открытом диалоге с «чужими» культурами.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Снапковской Светлане Валентиновне.

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Хочу сказать несколько слов о понятиях «нация», «национализм» и т. д. Национализм мы рассматриваем в широком и узком значениях. Здесь уместно привести слова выдающегося белорусского писателя, поэта Якуба Коласа: «Я выхував своих дзятей у самым лепшым у самым широким значении слова “национализм”» (он воспитал выдающихся деятелей науки и культуры Белоруссии, его дети — известные химики, физики, математики).

В свое время Белоруссией был избран правильный путь — суверенитет. Но сегодня основная тенденция заключается в том, что суверенитет Белоруссии не приводит к расширению коммуникаций на белорусском языке в силу запоздалого национального культурного возрождения белорусов. Если возрождение и создание государств у западных и южных славян пришлось на XIX — начало XX века, поэтому основные задачи национального культурного возрождения были решены, то у белорусов все сложилось иначе. Период активного национального самоутверждения застал белорусов в жестких рамках русификации, возможности возрождения белорусского языка были заморожены сначала образовательной политикой правительства, затем — сталинской русификацией, борьбой с так называемым нацдемом. Спустя два столетия после «весны народов» религиозно-почвенное отношение к языку стало анахронизмом, к тому же в городах для большинства приверженцев белорусский язык не является ни школьным, ни основным языком повседневной жизни.

При толерантности белорусского закона о языках, который, в частности, гарантирует гражданам право обращаться во все органы власти на двух языках, государственный статус белорусского языка не ущемляет права русскоязычного населения, поскольку русский язык имеет такой же статус. Согласно переписи 2009 года, 70 % белорусов предпочитают говорить по-русски. Выступая за двуязычие, большинство населения Белоруссии фактически высказываются за сохранение существующих тенденций в языковой ситуации, а значит, в целом смиряются с вытеснением белорусского языка русским.

Белорусы находятся на «постэтнической» стадии развития сообществ, когда национальность перерастает в гражданство и скрепляется не языком, этничностью, а общей организацией жизни в своем государстве. Вопрос о степени самобытности и привлекательности белорусского информационного наполнения, необходимого для национальной устойчивости, гордости за свою страну, пока остается открытым.

В то же время важной особенностью демонстрации культурного контента современной Белоруссии остается то, что белорусская элита все чаще обращается за смыслами, продуцирующими культурный дискурс. Так, согласно мартовским социологическим исследованиям, за последние 10 лет сложилась своеобразная ситуация: национальная идентичность белорусов укрепилась, однако все меньшую роль в этом процессе играет белорусский язык.

Приведу динамику ответов на вопросы. Чем белорусы отличаются от русских? Социологи констатируют, что белорусы все больше осознают себя отдельно от русской нации. Если в опросах 2002, 2003, 2006 годов доля респондентов, считающих, что между народами нет отличий, колебалась около показателя 40 %, то в последнем опросе она составляет примерно треть. На наш взгляд, весьма показательно и то, что изменялось наполнение этих отличий. В вопросах 2002, 2003, 2006 годов вариантом, набравшим наибольшее число голосов, был белорусский язык, однако от опроса

к опросу он утрачивал свои позиции качества, отличающего белорусов от русских. В последнем опросе он уступил лидирующую позицию отличиям в культуре, традициям, истории.

Изменение ситуации с белорусским языком, его роли в белорусском обществе нашло свое отражение и в ответе на вопрос: «Если бы завтра состоялся референдум, какой язык должен быть в Белоруссии государственным?». Данные показывают снижение доли сторонников одного государственного белорусского языка и рост приверженцев русского государственного одноязычия. Соотношение этих долей к марту 2015 года практически уравнилось. При этом социологи отмечают, что позиция государственности одного русского языка вообще не представлена в белорусском обще-

ственном дискурсе. За лишение белорусского языка официального статуса публично не выступал, пожалуй, никто. Однако это не означает, что такое мнение отсутствует в обществе. Как видим, оно присутствует и расширяет круг своих приверженцев. По последним данным, несмотря на то что сложилась подобная ситуация, значимость белорусского языка в нашем обществе возрастает, проникая в конфессиональные сферы — католичество и православие.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия подошла к концу. Через год мы вновь встретимся и продолжим, может быть, расставив иные акценты, разговор, который ведем на протяжении ряда лет.